

18.84.

„Столица и усадьба.

1915 г. № 45.

18.84

Княжна Анна Давыдовна Абамелекъ,
въ замужествѣ Боратынская,
воспѣтая Пушкинымъ.

Акварель изъ собранія князя С. С.
Абамелекъ-Лазарева. (См. текстъ въ
номерѣ).

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петроградъ. Москва. Варшава. Харьковъ. Киевъ. Одесса. Николаевъ. Вильна. Ростовъ на/Д.
Евпаторія. Баку. Рига. Екатеринославъ. Елисаветградъ. Новороссійскъ. Эривань.

№ 45.

1 НОЯБРЯ 1915 г.

Отд. №—85 коп., въ кіоскахъ жел. дор.—90 коп.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЬ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.
БОЛЬШИНСТВО №№ ЗА 1914 и 1915 гг. РАСПРОДАНЫ.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1916 ГОДЪ:
въ Петроградѣ . . . . . 11 руб. 50 коп.
въ Россіи . . . . . 12 руб. 50 коп.
за границей . . . . . 40 франк.

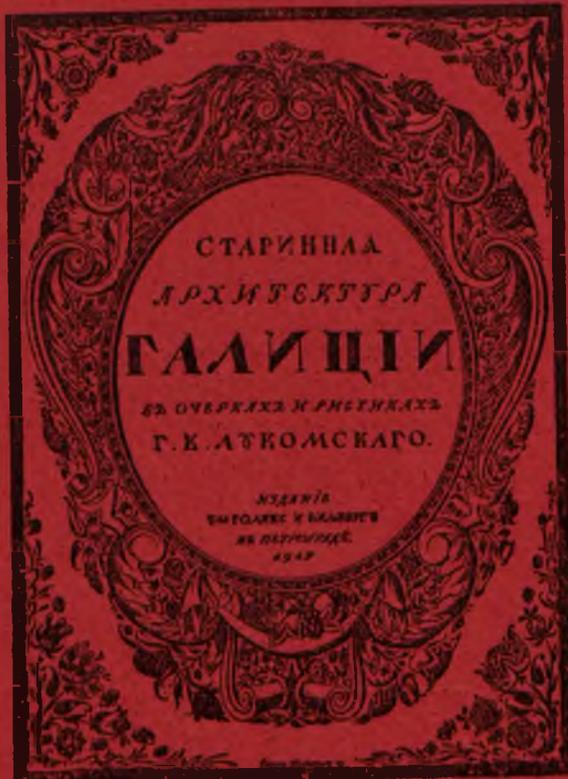
Отдѣльный номеръ (съ перес.)—85 коп.

Подписка на четыре № (пробныхъ)—1 р. 50 к., всѣхъ въ Россіи.
РЕДАКЦІЯ: Каменный островъ, 31, площ. Старого театра,
особ. вилла. Тел. 145-25.

КОНТОРА: Невскій, 28 (д. Зингера), конт. 10 (съ Невскаго
на подъемной машинѣ, въ 3 этажъ). Тел. 260-51 и 171-38.
Объявленія (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка по-
парели (1/4 часть ширины страницы).

Цѣлая страница—400 руб.; меньше 1/4 стран. объявленія
не печатаются.

№ 46 выйдетъ 15 ноября 1915 года.

„РУССКІЕ МУЖИКИ“.

Альбомъ картинъ художника Н. ОРЛОВА,
съ предисловіемъ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Цѣна въ перепл. 1 р. 25 к., въ оригинальномъ перепл. 2 р. 50 к.
Изданіе Товарищества Р. Голике и А. Вильборга.
Петроградъ, Звенигородская, 11.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:
Н. Н. ЕВРЕИНОВЪ.

ТЕАТРЪ ДЛЯ СЕБЯ.

(1-я часть). Цѣна 1 р. 75 к.

Рисунки Н. И. Кульбина. Изд. „Современное Искусство“.
(Части 2-я и 3-я печатаются).

Складъ изданія — Офицерская, 60.

КАРТИНЫ, СТАРИННЫЯ ВЕЩИ, ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА.

THE BURLINGTON MAGAZINE

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ,

подъ редакціей Lionel Cust Litt. D., C. V. O.
Roger E. Fry и More Adey.

The Burlington Magazine признанъ авторите-
томъ во всѣхъ вопросахъ искусства и исторіи
искусствъ. Къ сотрудничеству привлечены луч-
шіе знатоки въ различныхъ областяхъ. Въ жур-
наль помѣщаются полныя обзорныя литературы
объ искусствѣ, могущія служить исчерпываю-
щимъ руководствомъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

АРХИТЕКТУРА.	КОЖАНЫЯ ИЗДѢЛІЯ.
БРОНЗА.	МАЙОЛИКА.
ВИТРАЖИ.	МЕБЕЛЬ.
ВЫШИВКИ И КРУЖЕВО.	МЕДАЛИ И ПЕЧАТИ.
ГРАВЮРЫ И РИСУНКИ.	МИНАТЮРЫ.
ГРЕЧЕСКОЕ ИСКУССТВО.	МОЗАИКА.
ЖИВОПИСЬ.	ОРУЖІЕ И ДОСПѢХИ.
ЗОЛОТОЕ ДѢЛО.	ПЕРЕПЛЕТЫ.
ИГРАЛЬНЫЯ КАРТЫ.	СЕРЕБРО И МѢДЬ.
КЕРАМИКА И СТЕКЛО.	СКУЛЬПТУРА.
КНИГИ И РУКОПИСИ.	СЛОНОВАЯ КОСТЬ.
КОВРЫ.	ШПАЛЕРЫ, и т. д., и т. д.

Систематическій указатель главнѣйшихъ статей, помѣ-
щенныхъ въ журналъ за прошлые годы, высылается по
требованію безвлатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

35 шиллинговъ—44 франка—16 руб. 60 коп. въ годъ съ
перес.; цѣна отдѣльнаго номера 2 шил. 6 пенс.

THE BURLINGTON MAGAZINE—
17, OLD BURLINGTON STREET, LONDON, W.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОДДРЕНІЯ РЫССТАГО КОНЬЗАВОДСТВА.

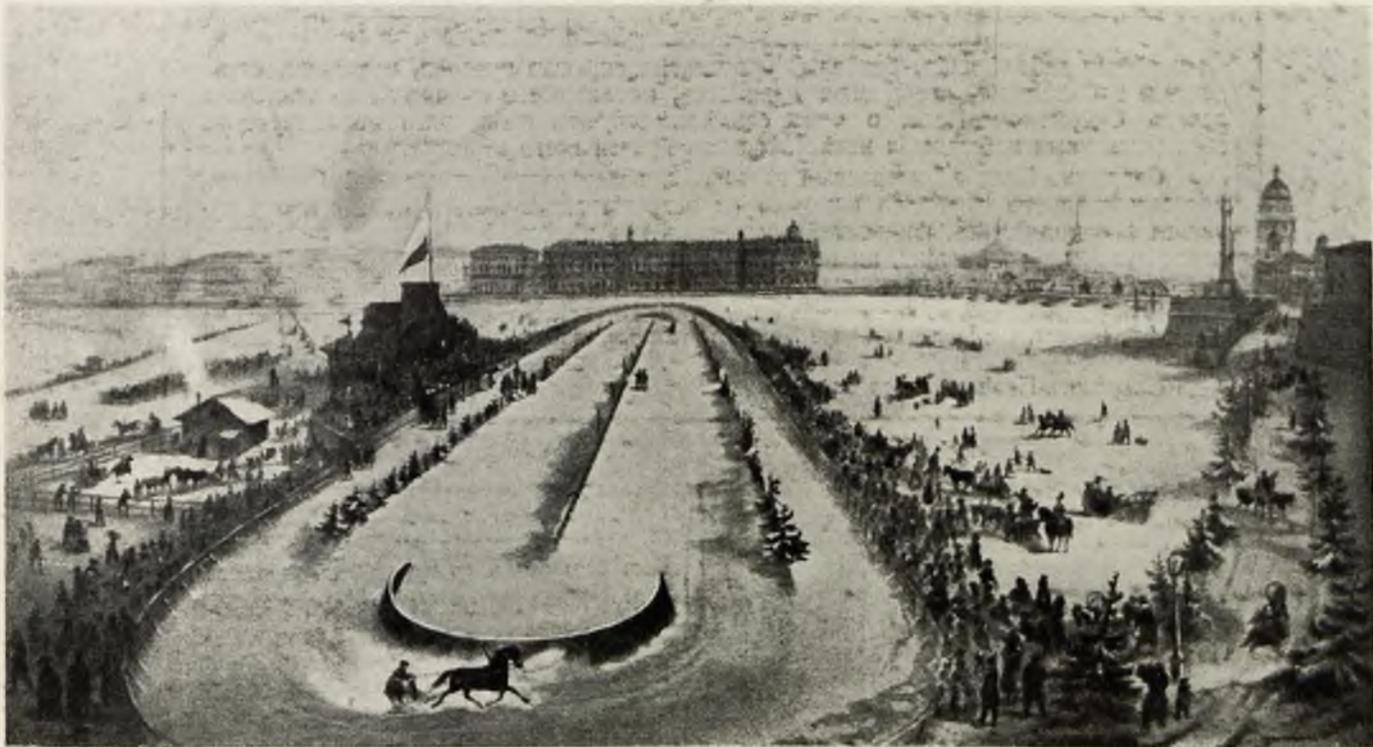
БУДУТЬ:

Б Ъ Г А.

Н О Я Б Р Ъ : 8, 12 (доб.), 15, 19 (доб.), 22, 26 (доб.) и 29.

Начало бѣговъ въ 12 час. дня.

95 ✓
C81

Бѣга на Невѣ (въ 1859 году). Съ современной литографіи.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

С.-Петербургское (Петроградское нынѣ) Бѣговое Общество основано въ 1859 году.

Въ то время спеціальныхъ ипподромовъ, понятно, не было и зимою бѣга происходили на Невѣ, являясь одною изъ любимѣйшихъ забавъ того времени. Большое значеніе бѣговъ, въ цѣляхъ улучшенія породы лошади, тогда только намѣчалось еще.

Въ историческомъ очеркѣ Бѣгового Общества читаемъ: „Подготовительному, „Невскому“ періоду исторіи Петербургскаго Общества, нельзя, конечно, придавать серьезнаго значенія въ дѣлѣ массоваго развитія рѣзвости русскихъ рысаковъ и усовершенствованія всего коннозаводства Имперіи. Средствъ было еще слишкомъ мало, поощренія носили черезчуръ скромный характеръ, условія и приемы испытаній еще не были выработаны планомѣрно и цѣлесообразно: особенно неблагоприятно вліяли на доходы Общества: неудачное мѣсто бѣговъ и несовершенство бѣговой бесѣдки. Отсюда—незначительный приводъ лошадей, т. е. слабое въ то время приобщеніе коннозаводства къ спорту.

Цифры это наглядно иллюстрируютъ. Въ первомъ году открытія бѣговъ на Невѣ, т. е. въ 1846 году, 16 рысаковъ явилось оскаривать наибольшую сумму призовъ— всего 1.420 рублей за весь сезонъ, а въ послѣднемъ году управленія бѣгами Коми-

тета Россійскаго Коннозаводства, т. е. въ 1860 году, бѣжало только 66 рысаковъ, а призовъ было выдано на сумму 12.357 рублей, въ среднемъ же за 16 лѣтъ— около 7.000 рублей ежегодно. Когда создалось Петербургское Общество, его средства были незначительны, хотя и росли понемногу, что способствовало постепенному увеличенію суммы призовъ: за 20 лѣтъ она возросла съ 13.657 рублей до 20.855 рублей за сезонъ, что въ общемъ составило 315.804 рубля, а въ среднемъ на годъ— 15.790 рублей 20 коп. Однако, это увеличеніе количества и цѣнности призовъ было настолько незначительно, что не могло имѣть рѣшающаго вліянія на ростъ привода лошадей къ Петербургскимъ состязаніямъ и не могло парализовать тѣ неблагоприятныя обія условія, въ которыя поставилъ русское коннозаводство кризисъ крупнаго помѣстнаго землевладѣнія. Приводъ лошадей въ Петербургъ за Невскій періодъ колебался отъ 44 до 79 въ годъ, причемъ наивысшая цифра—79— падаетъ на 1861 г., при суммѣ розыгрыша въ 13.005 руб.; 1878 г.

совпадаетъ съ наивысшимъ поощреніемъ на сумму 20.855 рублей, при участіи въ состязаніяхъ 48 лошадей“.

Болѣе широкая и планомѣрная дѣятельность Общества начинается только съ устройствомъ спеціального ипподрома на Семеновскомъ плацу.

„Бѣга на Невѣ“, изображенные на иллюстраціяхъ—ушедшее навсегда прошлое русской жизни.

Бѣга на Невѣ. Съ картины А. Орловскаго.

945592

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов

НЕВРАСТЕНИЯ

и нервныя заболѣванія, безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья П.Т.Г.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЖСКОГО ТУАЛЕТА.

Jockey-Club
№40. NEVSKY. №40

Телефонъ 58-24.

PIJAMAS

ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

Поставщикъ Двора
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ТОВАРИЩЕСТВО
ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА.

МАГАЗИНЫ: Москва: 1) Никольская, рядомъ съ „Славянск. Базаромъ“. 2) Верхніе Торг. ряды, Владимірская линія, № 235. Ялта—Набережная.

СКЛАДЫ: Петроградъ, Гороховая, 33. Одесса, Малый пер., № 6.

Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

(9-я тысяча). **ВЛ. КРЫМОВЪ.**

ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ странѣ миллиардеровъ.—Газета и реклама.—По Вестъ-Индіи.—Въ Панамѣ.—Въ странѣ любви и землетрясеній.—Кинематографъ мысли.—Странныя разсказы.—Монте-Карло.

Выписыв. изъ „Столицы и Усадьбы“, Невскій 28—перес. бесплатно.

АРХАНГЕЛЬСКЪ — НЬЮ-ІОРКЪ и ОБРАТНО.

Безъ остановокъ въ пути и безъ захода въ промежуточные порты.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРЯМОЕ СООБЩЕНІЕ МЕЖДУ

РОССІЕЙ и АМЕРИКОЙ

на быстроходныхъ почтово-пассажирскихъ пароходахъ „Царь“, „Царица“, „Курскъ“ и „Двинскъ“.

Проѣздъ продолжается 12—14 дн. Пароходы отходятъ каждыя 11 дн.

ТРЕБУЙТЕ ПРОСПЕКТЫ.

**РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ
ЛИНІЯ**

Русско-Восточно-Азіатскаго
ПАРОВОДСТВА

ПРАВЛЕНІЕ:

Петроградъ, В. О., Николаевская наб., 19/2.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Архангельскъ, Троицкій пр. № 82
и въ друг. городахъ.

АГЕНТСТВА:

Москва, Старая пл.,
Грузинскій пер. № 4
и въ друг. городахъ.

(ЧЕТВЕРТОЕ
ИЗДАНІЕ)

Вл. Крымовъ. О ПРОЧЕМЪ.

1 р. 25 к. Выписыв. изъ конт. „Ст. и Ус.“, Невскій 28—пересылка бесплатно.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Петроградской Косметической Лабораторіи, которая имѣются на всѣхъ этикеткахъ.

Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ.

Агентства и склады фирмы во всѣхъ большихъ городахъ Европы.

Главный складъ для Россіи
А. ЭНГЛУНДЪ,

Пти., Новодеревенск. наб., 15.

**ДѢТСКОЕ
Гигиеническое ромашковое Мыло**

А. ЭНГЛУНДЪ

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ

№ 45.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЬ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

1 НОЯБРЯ 1915 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

БЫЛОЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

Тони на Невѣ сорокъ лѣтъ назадъ. (Съ гравюры на деревѣ 1875 года).

М. И. Пыляевъ въ своемъ „Старомъ Петербургѣ“ пишетъ:
„На Крестовскомъ островѣ, въ загородномъ саду К. Гр. Разумовскаго, у каменнаго охотничьяго замка, для увеселенія публики закидывалась тоня для ловли рыбы; тутъ же находился трактиръ, гдѣ угощали прохожихъ напитками и кушаньями“.

На Крестовскомъ же островѣ въ 30-хъ гг. и позже была очень популярна такъ называвшаяся „тоня подъ елями“. Здѣсь былъ превосходный ловъ ершей, а особенно лососей—и бѣлыми почками здѣсь кутило богатое кунечество, „варило уху на шампанскомъ“.

„Ихъ очень много—писалъ столичный обозрѣватель 70-хъ гг.—этихъ тоней, читатель, на рѣкѣ Невѣ; не на однихъ островахъ, а и на самой рѣкѣ, и далеко отъ устья, ближе къ истоку есть тони. Тони подальше, это дѣло чисто промышленное; здѣсь поближе онѣ пріобрѣтаютъ азартный элементъ, который достигаетъ иногда весьма значительныхъ размѣровъ“. („Всемирная Иллюстрація“, 1875 г.).

„...Заброшена съѣтъ и полавки ея видѣются широкимъ кругомъ по гладкой поверхности рѣки. Модное общество, кавалеры и дамы, кунчики и офицеры, группируются на плоту, залитомъ водою. Дамы поднимаютъ хвосты своихъ платьевъ и внимательно

наблюдателю не трудно замѣтить, что ножки у дамъ безконечно маленькія. Секретъ этотъ очень простъ: ботинки заключаютъ въ себѣ неимоверно высокіе внутренніе каблукы и весь упоръ тѣла держится на носкахъ; ходить въ такихъ ботинкахъ страшно трудно, но чѣмъ не жертвуютъ люди для кокетства“.

Наивно поясняетъ журналистъ.

— „Сколько взяли вы за тоню?—обращается къ хозяину одинъ изъ желающихъ абонироваться на слѣдующую.“

— Десять рублей-съ.

— Помилуйте, да я бралъ у васъ всегда за три!

— Вы изволили быть-съ тутъ далеко до заката солнца-съ. Теперь поздиѣ... Крупная рыба пойдетъ...“

Прошло нѣсколько минутъ; воротъ скрипѣлъ по прежнему; мужички у ворота затапули какую то пѣсню. Подтянули мѣшокъ, вытащили его на доски; тѣ же ершики, окуньки да колючки...“

Въ 80-хъ гг. мода на тони значительно упала и въ 90-хъ гг. она уже казалась устарѣвшей, а потомъ и вовсе заглохла. Ушла ли прежняя рыба, превратились ли тони въ скучную лавочку, вкусы ли измѣнились, но въ нихъ нѣтъ теперь чего то, что такъ нравилось нашимъ дѣдамъ и отцамъ...“

Брз.

Рос. Третьяковская
Галерея
Библиотека

ДОМЪ КНЯЗЯ АБАМЕЛЕКЪ-ЛАЗАРЕВА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Жители Петрограда хорошо знают оригинальный фасадъ двухэтажнаго дома, помѣщающагося по Миліонной, сейчасъ за угломъ Мошкова переулка. На фонѣ темно-бурыхъ стѣнъ красиво выдѣляется портикъ съ колоннами темно сѣраго мрамора, повидимому, греческаго чипполино, съ острова Евбеи.

Исторія этого стараго дома, носящаго по Миліонной номеръ 22, такова.

Онъ построенъ въ тридцатыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія и принадлежалъ генералу Бирону, брату извѣстнаго временщика

Нынѣшній князь Абамелекъ-Лазаревъ выросъ въ домѣ армянской церкви на Невскомѣ. Этотъ домъ по воспоминаніямъ дѣтства былъ столь дорогъ князю, что, когда онъ рѣшилъ къ своему особняку на Миліонной пристроить новый обширный домъ по Мойкѣ, то онъ въ этомъ новомъ домѣ своемъ воспроизвелъ точную копию двухъ залъ стараго армянскаго дома архитектора Фельтена и придалъ фасаду этого дома (Мойка, двадцать одинъ) видъ схожій съ домомъ Армянской церкви на Невскомѣ, номеръ сорокъ. Мало того, изъ дома на Невскомѣ князь перенесъ во вновь выстроенный

Особнякъ кн. С. С. Абамелекъ-Лазарева въ Петроградѣ. Библіотека.

По стѣнамъ—фамилные портреты; прямо въ углу большой портретъ супруги кн. С. С. Маріи Павловны. На панели стоятъ много превосходныхъ акварелей, въ томъ числѣ и помѣщенная на обложкѣ этого номера.

Анны Іоанновны, затѣмъ перешелъ въ руки графа Апраксина, который имъ провладѣлъ до 1794 года. Слѣдующіе владѣльцы были послѣдовательно графъ Кочубей и князь Куракинъ. Съ 1822 по 1874 годъ домомъ владѣлъ Потемкинъ, бывшій петроградскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и мужемъ гораздо болѣе извѣстной, чѣмъ онъ самъ, своимъ вліяніемъ при дворѣ, своей добротой и участіемъ въ дѣлахъ церкви и благотворенія Татьяны Борисовны Потемкиной, рожденной княжны Голлицыной. Съ 1874 по 1903 годъ домомъ владѣлъ извѣстный государственный дѣятель графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ и, наконецъ, въ 1903 году его приобрѣлъ нынѣшній владѣлецъ.

домъ на Мойкѣ шесть фигурныхъ печей и двери. Копія этихъ двухъ залъ получилась совершенная и точнѣйшая. Двѣ изъ этихъ печей—монументальны и представляютъ собою подражаніе извѣстному памятнику Лизикрата въ Афинахъ.

Теперь оба дома соединены въ одинъ такъ, что человекъ не посвященный никогда бы не догадался о томъ, что это два совершенно разныхъ, связанныхъ между собою дома.

Главную достопримѣчательность стараго Бироновскаго дома представляетъ собою великолѣпный вестибюль и лѣстница. Смѣло и легко вьются кверху ступени, отъ послѣдней площадки, украшенной громаднымъ зеркаломъ, расходящіяся въ разныя стороны.

Собетв. фот.
„Ст. и Ус.“.

Столовая (архит. Фельтена). По стѣнамъ громадныя гобелены. Прямо горка съ превосходнымъ серебромъ.

Прекрасный, легкій потолокъ полукружіемъ сообщаетъ всей этой лѣстницѣ большую нарядность и стильность. На площадкахъ стоятъ громадныя величныя бѣлыя съ золотомъ торшеры, нарисованныя Росси для Михайловскаго дворца, что нынѣ музей Императора Александра Третьяго.

Прямо съ лѣстницы вы попадаете въ большую бѣлую залу съ красивой лѣсной работой нѣжныхъ тоновъ. Здѣсь, какъ и во всемъ домѣ, превосходный паркетъ.

Направо и налево отъ этой залы окнами на Милліонную лежитъ рядъ гостиныхъ, кончающихся съ одной стороны угловой

Кабинетъ вн. С. С. Абамелекъ-Лазарева. (Съ гравюры Маттэ, изданной кн. С. С.).

Театральный залъ въ особнякѣ кн. С. С. Абамелекъ-Лазарева въ Петроградѣ.

Театръ (исключительно для домашнихъ спектаклей) только что законченъ, въ немъ еще не было представлений. Строилъ арх. Фоминъ.

спальной и съ другой большой гостиной, съ великолѣпными фламандскими шпалерами по стѣнамъ. Во всѣхъ комнатахъ вы найдете превосходную старинную бронзу, мраморъ, фарфоръ, семейные портреты кисти извѣстныхъ художниковъ. Въ залѣ возвышаются съ полу четыре колоссальныя, болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка бронзовыя канделябры Томпа.

На стѣнахъ два громадныя гобелена, представляющіе исторію Тамерлана и Баязета, исполненные въ 17-мъ вѣкѣ въ Брюсселѣ.

Старый домъ заканчивается длинной свѣтлой столовой, а затѣмъ вы переходите въ новую постройку. Соединеніемъ служитъ оригинальный овальный переходъ, въ которомъ помѣщены четыре прелестныя картины масляными красками, изображающія четырехъ молодыхъ женщинъ, кисти Бодэ, ученика Ван-Лоо. Бодэ рисовалъ Сансуи для Фридриха Великаго. Прилегающее къ новому дому стіля Фельтена, зданіе домашняго театра выстроено въ послѣдніе два года по плану архитектора А. И. Фомина. Какъ жилой домъ съ Мойки, такъ и театральный залъ, выходящій тоже на Мойку, имѣютъ два отдѣльныхъ входа съ этой набережной.

Первая комната въ новомъ домѣ — громадная парадная столовая, украшенная по одной стѣнѣ своей колоннадой, увѣчанной статуей Гебы. Въ этой колоннадѣ помѣщается буфетъ, хранящій въ себѣ великолѣпный бронзовый изъ шестидесяти предметовъ *surtout de*

table, подписанный Thomp'омъ.

Изъ столовой вы вступаете въ громадную комнату, кабинетъ князя. Съ этого кабинета академикъ Матте снялъ гравюру, снимокъ которой воспроизводится въ этомъ номерѣ журнала. Тутъ замѣчательны лѣпные потолки и печи съ фигурами, потолокъ, представляющій собой точное воспроизведеніе потолковъ въ домѣ армянской церкви, и печи, перенесенныя изъ этого дома, равно какъ и рѣзные двери съ карнизами надъ ними. Какія прелестныя разнообразныхъ формъ кресла и диваны краснаго дерева! какъ великолѣпна бібліотека, привезенная изъ Парижа, и извѣстная среди самыхъ драгоценныхъ экземпляровъ художественной мебели, бывшей на всемірной выставкѣ 1900 года!

Въ этомъ кабинетѣ, какъ и въ другихъ комнатахъ, по стѣнамъ развѣяны оригиналы кисти Мурильо, Рибейра, Прудона, Гуарди, Рембрандтъ, Adrien Vroger, Pierre Laag.

Отъ этой комнаты проходитъ вдоль Мойки еще нѣсколько гостиныхъ. Но безспорно самую интересною по содержанию своему комнатою является, общающаяся съ кабинетомъ двумя громадными дверями, бібліотечная комната, такъ же какъ и кабинетъ громадныя размѣровъ. Вся эта комната сплошь завѣшена семейными портретами всякихъ размѣровъ и времени, масломъ и акварелью.

Особенное вниманіе привлекаетъ громадный портретъ, представляющій собою группу во весь ростъ и въ натуральную величину семьи Христофора Екимовича Лазарева, писанный въ Римѣ въ 1837 году. Дама въ тюрбанѣ — жена Лазарева, урожденная княжна Манукбей (на одной стѣнѣ виситъ оригинальный портретъ ея отца въ восточномъ халатѣ и въ бѣлой чалмѣ, держащаго въ

рукахъ ятаганъ, осыпанный драгоценными камнями). Этотъ Манукбей былъ назначенъ въ Яссахъ молдавскимъ господаремъ, но не княжилъ, а перешелъ на службу къ Александру I и участвовалъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Двѣ дѣвочки — малолѣтнія дочери Лазарева, вышедшія впоследствии замужъ: за князя Абамелека — мать теперешняго владѣльца дома, и за И. Д. Делянова (впоследствии графа), бывшаго министромъ народнаго просвѣщенія. Портретъ этотъ принадлежитъ кисти итальянскаго художника Каваллери и по приемамъ своимъ напоминаетъ портреты той же эпохи Брюллова.

Интересны также портреты красавицы Баратынской: одинъ масляными красками въ натуральную величину, уже въ немолодыхъ годахъ, и два акварелью — прелестною юною дѣвушкою съ голубымъ бантомъ фрейлинскаго шифра на плечѣ. Въ этой же комнатѣ помѣщается красивый портретъ въ натуральную величину во весь ростъ владѣльца дома, въ штабмейстерскомъ мундирѣ, на террасѣ его римской виллы.

Было бы долго перечислять всѣ семейные портреты. Упомянемъ еще, что въ домѣ сосредоточено около десятка работъ извѣстнаго русскаго портретиста Зарянка и три полотна Венеціанова.

Такою же художественною цѣнностью имѣетъ портретъ въ натуральную величину двухъ красавицъ, англійскаго портретиста конца восемнадцатаго вѣка, Romney, изъ знаменитаго соавзвдія Генсборо,

Рейнгольдъ, Лауренсъ-Ромней.

На широкой лѣстницѣ этого особняка съ Мойки помѣщенъ научный трофей князя, слѣпокъ знаменитой пальмирской надписи giallo antico.

Отъ великолѣпія этого жилья, гдѣ размѣрамъ и отдѣлкѣ стѣнъ и потолковъ соотвѣтствуютъ содержаніе комнатъ, мы перейдемъ въ театральную залъ.

Громадныя окна этого высокаго помѣщенія льютъ въ него съ Мойки массу свѣта. На бѣломъ фонѣ стѣнъ красиво выдѣляются розоватыя мраморныя полосы колоннъ. Къ театральной залѣ прилегаетъ другая вдвое большая зала, предназначенная для ужиновъ послѣ спектакля. Широкая лѣстница съ красивыми мраморными тумбами ведетъ внизъ въ вестибюль, представляющій широкую колоннаду изъ колоннъ расширенныхъ книзу и суженныхъ къверху, дорическаго стіля.

Когда эта зала наполнится толпой нарядныхъ гостей, и лѣстница оживится сверканіемъ мундировъ и шелестомъ женскихъ платьевъ, мысль переносится отъ береговъ Невы къ тѣмъ дальнимъ берегамъ и въ тѣ годы, когда выработывались и напряженной работой вдохновенной эстетики создавались законы обще-европейской красоты...

* * *

Къ памятной роднѣ Абамелекъ-Лазаревыхъ принадлежитъ кавалерственная дама Анна Давидовна Баратынская (1814—1888 гг.), рожденная княжна Абамелекъ, родная тетка нынѣшняго князя Абамелекъ-Лазарева. Она отличалась красотой. Ей посвящены стихи Пушкина:

Когда то, помню, съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить

съ восхищеньемъ:

Вы были дивное дитя.

Вы расцвѣли: съ благоговѣньемъ

Вамъ нынѣ поклоняюсь я.

За вами сердцемъ и глазами

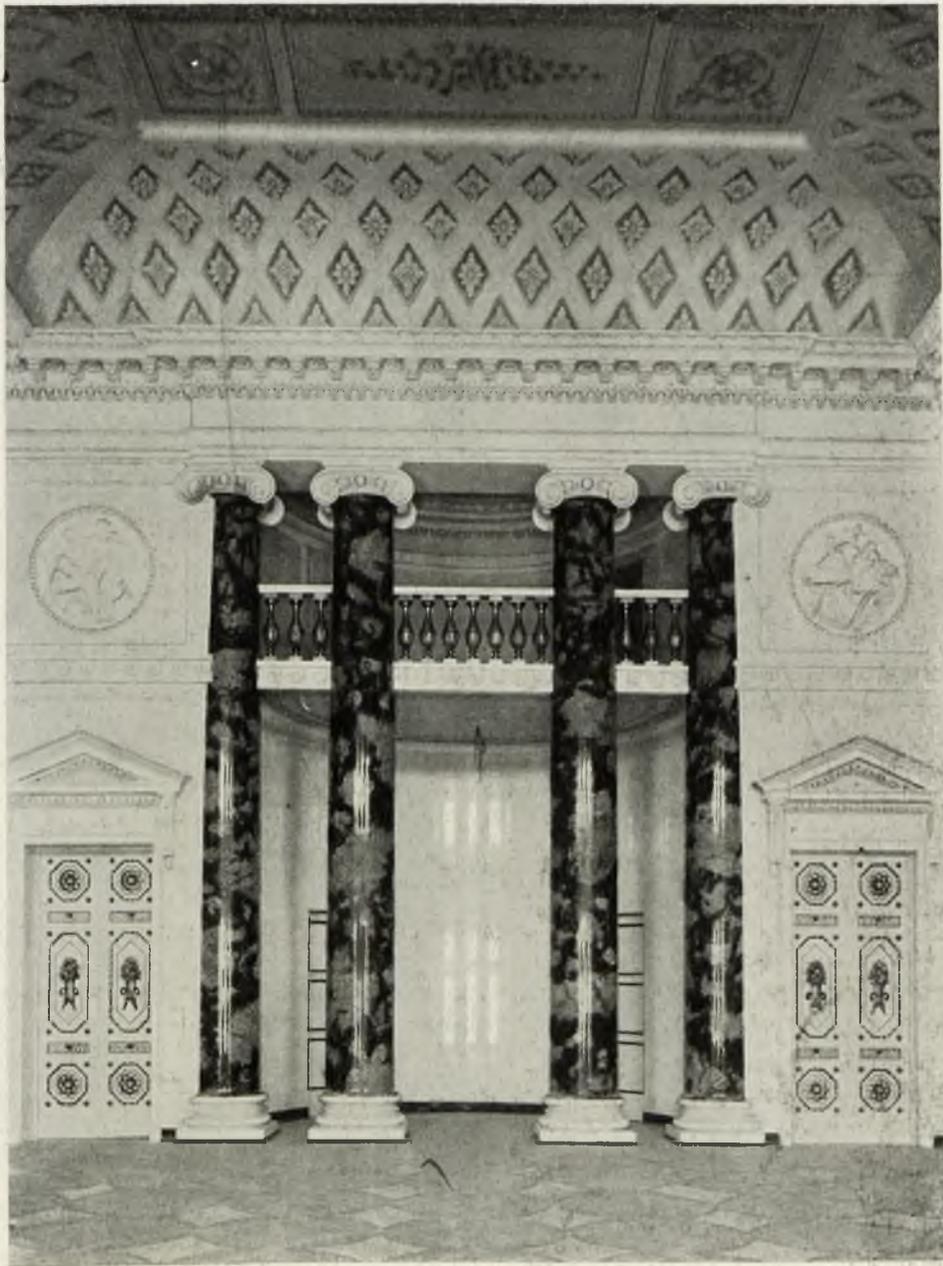
Съ невольнымъ трепетомъ ишусь,

И вашей славою, и вами,

Какъ нянька старая горжусь.

Автографъ этого стихотворенія хранится у кн. Абамелекъ-Лазарева, равно какъ и „Послѣднее Новоселье“ Лермонтова, писанное рукою поэта и привезенное имъ для прочтенія

Вестибюль театральной лѣстницы въ особнякѣ кн. Абамелекъ-Лазарева. (Съ Мойки).

Большая столовая въ особнякѣ кн. С. С. Абамелекъ-Лазарева (рядомъ съ театральной залой).

Аниѣ Давыдовнѣ, съ просьбою добиться у Великаго Князя Михаила Павловича разрѣшенія печатать его ¹⁾).

Князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ является однимъ изъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ Россіи — ему принадлежатъ сотни тысячъ десятинъ.

Князь много работалъ въ интересующихъ его областяхъ горнаго дѣла и археологій. Онъ написалъ книгу: „Вопросъ о нѣдрахъ и развитіе горной промышленности въ Россіи съ 1808 по 1908 г.“. Княземъ издано нѣсколько книгъ по вопросамъ политико-экономическимъ. Какъ археологъ князь С. С. открылъ въ 1882 г. въ Пальмирѣ извѣстную надпись на греческомъ и арамейскомъ (древнееврейскомъ) языкахъ. Надпись эта высѣчена на громадной доскѣ бѣлаго мрамора (6 × 2 метр.); она подарена турецкимъ султаномъ нашему Государю и хранится теперь въ Эрмитажѣ. С. С. написана большая статья о Пальмирѣ, роскошно изданная; теперь это изданіе составляетъ библиографическую рѣдкость.

Ерѣе.

Собств. фот. „Ст. и Ус.“.

¹⁾ Портретъ А. Д. Баратынской помѣщенъ на обложкѣ этого номера.

Княгиня Марія Павловна Абамеленъ-Лазарева (рожд. Демидова Санъ-Донато).
Княгиня рѣдко бывасть въ Петроградѣ; сейчасъ она живеть въ Римѣ, гдѣ у князя С. С.
роскошная вилла.

Общій видъ выставки въ Санъ-Франциско (вечеромъ).

ВЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО НА ВЫСТАВКУ.

ПО ШВЕИЦИ И НОРВЕГИИ.

Въ дождливое майское утро распрощался я съ Петроградомъ на Финляндскомъ вокзалѣ.

Легкій таможенный досмотръ въ Бьлоостровѣ и очень тщательный въ Торнео. Здѣсь выворачиваютъ все, что вывернуть возможно для того, чтобы воспрепятствовать вывозу за границу недозволеннаго количества денегъ (500 руб. на пассажира разрѣшается), и можетъ быть, газетныхъ вырѣзокъ и писемъ, старающихся улизнуть отъ вниманія военной цензуры. Какому-то господину съ крючковатымъ носомъ стащили даже ботинки, причемъ, однако, не было обнаружено ничего предосудительнаго, кромѣ необыкновенной величины дыры на пяткѣ.

Послѣ долгихъ часовъ ожиданія, переправляютъ на пароходикѣ черезъ рѣку Торнео, на противоположномъ берегу коей лежитъ городокъ того же названія; здѣсь дефилируемъ по глубокому болоту по всему городу подъ опекой жандармовъ, которые покидаютъ насъ только у входа на длинный деревянный мостъ—граница со Швецией. На той сторонѣ мѣстечко Ганаранда, гдѣ насъ ожидаютъ уже шведскіе пограничники и карантинный докторъ.

Изъ Ганаранды до ближайшей станціи желѣзной дороги—Карунги—27 километровъ; у меня былъ заказанъ автомобиль, но оказывается, что дорога до того размыта, что дай Богъ проѣхать какъ-нибудь на повозкѣ. За вознагражденіе въ 10 кронъ получаю двуколку на немовѣрно высокихъ колесахъ, маленькую бодрую лошадку и глуноватаго парня-кучера. Лошадь то и дѣло попадала выше колѣнъ въ жидкую грязь и спасалась оттуда неожиданными порывистыми прыжками; экипажъ кренило съ боку на бокъ подъ немисланными углами. Опрокинулись только два раза, ѣхали пять часовъ, чуть-чуть не опоздали на поѣздъ.

Гляжу на другое утро въ окно: кругомъ моховыя болота, да жиденькій лѣсъ, только вдали на горизонтѣ слегка синѣютъ горы.

Отдаю дань всѣмъ буфетамъ по дорогѣ; они здѣсь находятся не на самихъ станціяхъ, какъ у насъ, а въ гостиницахъ по близости; ѣсть даютъ вкусно и дешево. Всей прислуги одна кассирша.

Чѣмъ южнѣе, тѣмъ мѣстность дѣлается разнообразнѣе; горы ближе, сосновые лѣса, быстрыя рѣчки, озера; деревень и мѣстечекъ совсѣмъ не видно, зато повсюду отдѣльные хутора, съ красными деревянными строениями.

Въ Стокгольмѣ пріѣзжаемъ на слѣдующее утро.

Городъ живетъ, видимо, повышеннымъ темпомъ.

Рестораны и кафэ биткомъ набиты публикой. Множество автоматическихъ буфетовъ, они тоже полны.

У королевской оперы пріютился на берегу озера ресторанъ съ большой открытой террасой; такъ какъ вечера холодные и отъ воды тянетъ сыростью, то посѣтителемъ на этой террасѣ выдаются теплыя красныя одѣяла, въ которыя они и кутаются, наслаждаясь музыкой, виномъ и милымъ обществомъ тоже закутанныхъ въ одѣяла дамъ. Видъ получается потѣшный. Разговоры вращаются около войны съ явно подчеркнутыми нѣмецкими симпатіями.

На озерѣ жизнь кипитъ: пароходики и парусныя суда, рыболовныя лодки съ положенной на носу круглой сѣтью на шестѣ, моторныя лодки, шлюпки и множество крикливыхъ чаекъ—все это и перемѣщается, какъ въ калейдоскопѣ.

Красивый городъ, но жить тутъ должно быть скучно.

24 мая вечеромъ уѣзжаю въ Христианію.

Въ Христианіи останавливаюсь всего нѣсколько часовъ—отъ поѣзда до поѣзда. Хорошенькій, чистенькій городокъ съ большими садами и парками и красивой гаванью въ извилистомъ фьордѣ.

На улицахъ много оживленной публики, преимущественно мало-рослой, бѣлокурой съ простыми, славными лицами; милостивыя дѣвушки съ вздернутыми носиками и дивнымъ цвѣтомъ лица. Студенты носятъ ярко-красныя плоскія шапки съ кистью, ленты на груди и многіе изъ нихъ—даже гетры того же краснаго цвѣта: за двѣ версты видно, что молодой человѣкъ получаетъ высшее образование. Военные одѣты на дешевку: мундиры обшиты тесемкой, вмѣсто галуна, причемъ верхняя часть костюма совсѣмъ, иногда, не гармонируетъ съ нижнимъ его продолженіемъ; получается впечатлѣніе бутафорскихъ солдатиковъ изъ провинціальной оперетки.

Не видно элегантныхъ выѣздовъ и богатыхъ платьевъ, но нѣтъ также и оборванцевъ и нищеты: только одинъ средній типъ прилично одѣтаго, сытаго, довольнаго собой гражданина.

Въ Бергенѣ пріѣзжаемъ утромъ въ густомъ туманѣ; здѣсь это явленіе обычное. До отхода парохода на Ньюкэстль три часа, въ продолженіе которыхъ надо совершить массу формальностей. Маленькая интересная подробность: русскій консулъ слова не понимаетъ по-русски и скверно говоритъ по-английски; зато англійскій консулъ довольно свободно изъясняется на русскомъ языкѣ!.

Переходъ черезъ безпокойное Нѣмецкое море на небольшомъ пароходѣ представляеть мало привлекательнаго, о немъ лучше не распространяться.

Въ Ньюкэстль пришли раннимъ утромъ, послѣ сорока двухъ часовъ сплошной качки. Появились на пароходѣ англійскіе таможенные чиновники и цѣлая полицейская коммиссія, подвергающая по очереди всѣхъ пассажировъ тщательной филтровка.

ПО АТЛАНТИЧЕСКОМУ ОКЕАНУ.

Послѣ четырехъ часовой ѣзды въ скоромъ поѣздѣ изъ Лондона прибываю въ Ливерпуль. Здѣсь пришлось опять явиться въ специальное бюро по регистраціи иностранцевъ, расписаться въ большой книгѣ съ приложеніемъ отпечатка большого пальца лѣвой руки вмѣсто печати, и получить еще одинъ штемпель въ паспортѣ.

Пассажировъ перваго класса очень мало и тѣ, что есть, чувствуютъ себя неважно. Нервное настроеніе еще усиливается, когда проходимъ около южной оконечности Ирландіи—самаго опаснаго мѣста. Здѣсь постоянно сталкиваемся со сторожевыми миноносцами, явленіе которыхъ, вмѣсто того, чтобы успокоить, еще болѣе дѣйствуетъ на воображеніе публики. Насъ заставляютъ надѣть спасательные пояса, спускаютъ наполовину шлюпки, причемъ каждый пассажиръ получаетъ номеръ своей, къ каковой и долженъ явиться по данному сигналу. Во время обѣда 6-го Юня вдругъ прозвучалъ тревожный сигналъ; у пассажировъ лица стали серьезныя, но безъ малѣйшаго замѣшательства всѣ моментально явились къ шлюпкамъ и ждали приказаній.

Оказалось, что сигналъ былъ данъ для провѣрки, и всѣ съ большимъ удовольствіемъ вернулись въ столовую. За обѣдомъ публика разбивается на группы; за однимъ столомъ со мною оказываются: корабельный докторъ—добродушный шотландецъ толстякъ, рассказывающій все свободное отъ ѣды время никому, кромѣ него самого, не смѣшныя анекдоты, англійскій офицеръ, ѣдущій съ цѣлью покупки лошадей для арміи и молодой плечистый американецъ А.

А. очень интересный малый, студентъ университета „Yale“, большой спортсменъ; я съ нимъ провожу время за шахматной доской, боксомъ и палубнымъ теннисомъ. Оказывается, что онъ сытъ милліардера. Погода стоитъ на диво хорошая, море совершенно спокойное. Устраиваю концертъ въ пользу Ливерпульскаго

Ворота заходящего солнца.

Дворецъ прикладныхъ искусствъ.

ВЫСТАВКА ВЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО.

Дворецъ путей сообщенія.

„Дворъ тишины“.

Китайская часть Санъ-Франциско.

„Башня драгоцѣнностей“.
(Вечеромъ).

Фот. Ю. М. Беніславскаго.

дома для моряков-инвалидов; выступаю в качестве паниста. Нашлись еще музыкальные силы: очень милое сопрано и скверная скрипка: исполнители имбли, конечно, большой „succès d'estime“ и заработали для бѣдныхъ моряковъ £ 62—8—6. Послѣ концерта, во второмъ классѣ былъ организованъ вечеръ декламации, на третій день одна молодая дама за теннисомъ сломала себѣ при паденіи ногу.—однимъ словомъ, путешествіе прошло съ большимъ разнообразіемъ и оживленіемъ.

14-го утромъ подходимъ къ Нью-Йорку.

Мой новый другъ А. безапелляционно рѣшаетъ, что мы оба остановимся въ „Vanderbilt Hotel“; эта небольшая по здѣшнимъ понятіямъ гостиница имѣетъ 18 этажей и обставлена съ большимъ комфортомъ; зимой она очень дорога, какъ всѣ первоклассные дома, но теперь не сезонъ, а потому цѣны сбавлены значительно: за 4½ доллара получаю хорошую комнату съ ванной на 15-мъ этажѣ.

ВЪ НЬЮ-ИОРКѢ.

На улицахъ шумъ и движеніе невѣроятныя; всѣ куда-то спѣшать, торопятся; улицы узкія, окаймленныя страшно высокими домами, производятъ впечатлѣніе колодезь, особенно нижняя часть знаменитой „Broadway“. Broadway считается самой длинной улицей въ мірѣ, чему я сразу повѣрилъ, когда мнѣ пришлось прокатиться по дѣлу къ дому подъ номеромъ 3665. Мостовыя пестрыя и въ общемъ скверныя; кое-гдѣ асфальтъ, но есть и булыжникъ, а то и просто рядомъ положенныя грубыя неотесанныя доски, которыя ходятъ подъ колесами, какъ клавиши стараго клавирина; прѣхаться по нимъ на расшатанномъ таксомоторѣ представляетъ своего рода утонченную пытку, за которую притомъ приходится много платить: нигдѣ я не видѣлъ такихъ дорогихъ таксомоторовъ. Да и все здѣсь дорого баснословно, за исключеніемъ сапогъ, бѣлья и соломенныхъ шляпъ. Особенно разорительны рестораны, гдѣ кормятъ скверно, и театры, большинство послѣднихъ легкаго жанра, такъ какъ излюбленнымъ зрѣлищемъ американцевъ являются легкія оперетки, фарсы и, особенно, „revues“ на злобу дня, которыя ставятся дѣйствительно роскошно съ сотнями участвующихъ, великолѣпными декорациями и костюмами. Зрительный залъ представляетъ очень пеструю картину: тутъ безупречный фракъ сидитъ рядомъ со свѣтлымъ лѣтнимъ пиджакомъ, глубокое декольте толкаетъ локтемъ скромную блузку; и дамы и кавалеры сваливаются въ шляпахъ и верхнемъ платьѣ; все это снимается, сворачивается и кладется просто на полъ подъ сидѣніе. Послѣ театра публика отправляется обыкновенно въ „dancing palaces“, гдѣ и старики и молодежь, дамы приличныя и совсѣмъ неприличныя усердно отбиваютъ тактъ „two step“, а въ промежуткахъ охлаждаются какимъ-нибудь неизмѣнно горькимъ, но страшно замысловатымъ напиткомъ. Есть и ночныя кафѣ съ шантанной программой; одно изъ излюбленныхъ варіетѣ на крышѣ театра „New Amsterdam“; здѣсь кругомъ зала надъ головами посѣтителей проложень стальной мостикъ, по которому выступающіе этуалы совершаютъ воздушную прогулку. Очень популярнымъ сталъ въ послѣднее время негритянскій кабаре на 54-й улицѣ въ грязномъ кварталѣ чернокожихъ; это единственное въ своемъ родѣ заведеніе. Представле себѣ роскошнѣйшій залъ со множествомъ прилегающихъ комнатъ; обстановка богатѣйшая, gobelены, ковры, мраморъ, хрусталь; кругомъ сидитъ за круглыми столиками нарядная публика (входъ здѣсь 25 долларовъ и безъ фрака и бальнаго платья не пускаютъ), а по серединѣ мозаичный блѣдный паркетъ, на которомъ подъ звуки скрытаго гдѣ-то оркестра медленно танцуютъ и изгибаются въ причудливыхъ позахъ нѣсколько паръ негритянокъ съ чернокожими кавалерами въ однихъ только темныхъ подъ цвѣтъ кожи повязкахъ, гдѣ это необходимо; откуда берутся такіе красавцы-атлеты и такія чудесныя бронзовыя женскія тѣла — не понимаю, знаю только, что смотришь на нихъ, какъ на драгоценныя изваянія. Баснословно красиво! Встрѣчается много красивыхъ элегантныхъ дамъ.

Теперь въ Нью-Йоркѣ мода на очень короткія широкія платья, большія свѣтлыя шляпы, сквозь которыя ясно виденъ цвѣтъ волосъ, и, какъ это ни абсурдно въ жаркую лѣтнюю пору, мѣха во кругъ шеи, преимущественно бѣлой и голубой лисцы.

Мужчины почему-то меньше ростомъ женщины, грубы и одѣты неважно, очевидно, „на готовку“, —заказывать платье некогда. Отношеніе къ дамамъ отнюдь не рыцарское; самую почтенную старушку не принято цѣловать въ руку, на улицѣ дамъ дороги не даютъ, напротивъ толкаютъ и наступаютъ на ноги; въ верхней части города еще есть кое-какіе признаки воспитанія, въ нижней же дѣловой части, никакіе обычаи и приличія не существуютъ, здѣсь царство „business'a“ и только. Здѣсь внизу сосредоточены главнѣйшіе банки, большія предиріятія, конторы; здѣсь многомилліонная „Wall street“ съ знаменитой „Stock Exchange“; „Stock Exchange“ или фондовая биржа представляетъ внутри оглушительный хаосъ потныхъ взволнованныхъ людей, старающихся перекричать другъ друга и всѣхъ кругомъ, ожесточенно жестикулирующихъ и безпрерывно передвигающихся съ мѣста на мѣсто; кругомъ же на всѣхъ подоконникахъ, карнизахъ, ступеняхъ, на всѣхъ малѣйшихъ выступахъ плотной массой лежатъ сотни и тысячи шляпъ; эта масса шляпъ производитъ удивительное впечатлѣніе, и долго потомъ еще меня кошмарило по ночамъ, что я утопаю въ безднѣ шляпъ подъ ревъ озвѣрѣвшихъ биржевиковъ.

Газетъ и большихъ и малыхъ безконечное количество; всѣ онѣ носятъ бульварно-сенсационный характеръ; главное вниманіе удѣляется громкимъ мошенничествамъ и преступленіямъ, бракоразводнымъ процессамъ, ирѣ „Baseball“. Бумага не шадеть; по-

пулярная газета представляетъ изъ себя восемь—десять листовъ печатной бумаги, а по воскресеньямъ, это цѣлый увѣсистый томъ всякой ерунды. На дняхъ я прочелъ слѣдующій анекдотъ на этотъ счетъ. Важный финансистъ, М-г Sutton, играющій на повышеніе акцій „Bethlehem Steel Co“, читалъ воскресный номеръ „New York Herald'a“, у ногъ же его рѣзвился шестилѣтній сынъ Harry; вдругъ М-г Sutton видитъ въ газетѣ, что „Bethlehem Steel“ сильно упали; отъ волненія онъ роняетъ газету, она падаетъ на злосчастнаго Harry и убиваетъ его...

ВЪ ГОСТЯХЪ У МИЛЛІАРДЕРА.

16-го іюня молодой А. пригласилъ меня отъ имени родителей къ нимъ въ имѣніе у города „Cleveland“.

Изъ Нью-Йорка ночь ѣзды. Въ 8 часовъ мы приѣхали въ красивый, утопающій въ зелени садовъ городъ на берегу голубого „Erie“; на вокзалѣ насъ ожидалъ экипажъ, запряженный паромъ рослыхъ гнѣдыхъ, англинизованный кучеръ, солидный лакей въ бакенбардахъ и негръ въ бѣлой ливреѣ съ автомобилемъ подъ вѣщи; чернокожій проситъ у меня ключи отъ чемодановъ и мчится на своей машинѣ впередъ. Ѣдемъ три „miles“ берегомъ озера, надъ которымъ и расположенъ паркъ и дворецъ старика А. Дворецъ—величественное двухъ-этажное зданіе съ башнями,—построенъ знаменитымъ Ричардсономъ въ совершенно своеобразномъ стилѣ; снаружи онъ производитъ нѣсколько мрачное впечатлѣніе, но внутренняя роскошь заставляетъ забыть это. Цѣлымъ рядомъ залъ и галлерей приводитъ меня старикъ дворецкій („butler“) въ отведенные мнѣ апартаменты, состоящіе изъ пяти комнатъ и ванной; для моихъ личныхъ услугъ имѣются лакей и мальчикъ пажъ. Чемоданы мои уже распакованы и все содержимое повѣшено и разложено по шкафамъ и ящикамъ въ уборной. Маленькій пажъ приготавливаетъ ванну и помогаетъ мнѣ переодѣться. Приносятъ „breakfast“, состоящій изъ разныхъ фруктовъ, овсяной каши со сливками, яицъ, холоднаго мяса и чаю. Вскорѣ заходитъ ко мнѣ молодой А. и приглашаетъ на партію тенниса; на площадкѣ въ паркѣ знакомлюсь съ обществомъ молодыхъ людей сосѣдей и приглашенныхъ и съ сестрой моего друга, хорошенькой голубоглазой барышней, великолѣпно владѣющей ракетой и неважно французской рѣчью, которой все же старается отъ времени до времени щегольнуть. За игрой быстро проходитъ время; веселится молодежь искренно, смѣхъ и шутки ни на минуту не смолкаютъ. Раздается первый звукъ гонга,—всѣ прихорашиваются къ „lunch'у“. Одновременно со вторымъ ударомъ гонга появляется дворецкій и провожаетъ наверхъ въ небольшую комнату для завтраковъ хозяевъ; здѣсь застаю только стариковъ А. съ моимъ другомъ; остальная часть общества завтракаетъ въ большой столовой внизу; наверхъ приглашаются только новоприбывшіе и особо почетные гости. Молодой А. представляетъ меня сначала отцу, потомъ матери, и мы садимся за завтракъ. Хозяинъ дома—маленькій начисто выбритый старичокъ съ умными сѣрыми глазами; онъ очень богатъ, считается здѣсь „королемъ скота“ и имѣетъ свыше 25 милліоновъ долларовъ годового дохода. Хозяйка—благовидная старушка, большого роста съ энергичными чертами лица и не по лѣтамъ звучнымъ голосомъ. Они съ большимъ любопытствомъ разспрашиваютъ о всемъ, что у насъ происходитъ, показывая при этомъ сплошь да рядомъ отличное знаніе нашей жизни и положенія дѣлъ въ Россіи. Послѣ завтрака старики уходятъ къ себѣ, мы же отправляемся на озеро спаряжать большую экскурсію на моторныхъ лодкахъ въ сосѣднее имѣніе, расположенное въ 30 миляхъ.

Хозяйка молодая веселая вдова, восторженно привѣтствуетъ нашу шумную банду, угощаетъ чаемъ въ саду подъ большими зонтами и вмѣстѣ съ нами ѣдетъ обратно въ „Birch Hill“ (такъ называется имѣніе А.).

Къ обѣду вечеромъ появляются старики хозяйева, она въ глубокомъ декольте, онъ и всѣ мы во фракахъ; обѣдъ проходитъ немного натянуто и торжественно. Вечеромъ меня заставляютъ играть на роялѣ произведенія русскихъ композиторовъ, изъ которыхъ многіе очень популярны въ Америкѣ, особенно Рахманиновъ.

Въ одиннадцать часовъ все въ громадномъ домѣ спитъ; зато въ восемь утра и дамы и мужчины уже сходятся въ большомъ готическомъ „hall'ѣ“, отдѣланномъ темно-оливковымъ дубомъ и увѣшанномъ коллекціей рѣдкаго оружія; здѣсь общество дѣлится на группы, изъ которыхъ одна отправляется на верховую прогулку, другая на теннисъ, третья попросту въ паркъ для легкаго флирта и т. д. Въ домѣ имѣется библиотека въ 10.000 томовъ съ многими рѣдчайшими экземплярами средневѣковой литературы и цѣлая коллекція картинъ, между прочими одинъ Velasquez, два Corot, чудное панно Nattier, Reynolds, Turner и много другихъ цѣнныхъ полотенъ. Есть въ домѣ и отличный биллиардъ, а старикъ А. большой любитель и довольно сильный игрокъ въ шахматы; садясь за игру, онъ всегда съ благоговѣніемъ замѣчаетъ, что въ свое время игралъ съ самимъ Blackburne'омъ; о томъ, кто выигралъ, не упоминается.

Въ общемъ итогъ, пять дней, проведенныхъ въ „Birch Hill“, проходятъ такъ мило и незамѣтно, въ такомъ оживленіи и разнообразіи, что досадно покидать и этихъ славныхъ людей и гостеприимный ихъ домъ.

Очень неохотно хозяйева отпускаютъ меня, послѣ моихъ твердыхъ увѣреній о необходимости отъѣзда; молодой А. съ сестрой провожаютъ меня на автомобиль до города, усаживаютъ въ вагонъ и долго машутъ платками на перронѣ.

Снова въ жарѣ Нью-Йорка. Нечѣмъ дышать; ноги вязнуть въ размякшемъ асфальтѣ тротуаровъ; всѣ бѣгутъ изъ города куда и когда могутъ. Въ субботу вечеромъ Нью-Йоркъ совершенно пустѣетъ.

Здѣсь пьютъ неимовѣрныя вещи: такъ нормальному американцу ничего не стоитъ разболтать въ большомъ стаканѣ персиковое мороженое съ шоколадомъ жидкимъ и залить все это содовой водой; получается густая пѣнистая жидкость неопредѣленнаго цвѣта и вкуса, но холодная, а это все, что требуется. Лишь ночью можно свободнѣе вздохнуть и полюбоваться электрическими объявленіями. Чего здѣсь нѣтъ? И бѣлая кошка, распутывающая клубокъ зеленого шелка, и трое свѣтящихся человѣчковъ, играющихъ въ мячъ, и дама, улетающая шоколадъ Тоблера, и безконечное разнообразіе вращающихся и мигающихъ цвѣтныхъ комбинацій, цѣлое живое море огня; такого зрѣлища нигдѣ не увидишь.

ПОПЕРЕКЪ ВСЕЙ АМЕРИКИ.

22-го іюля утромъ отправляюсь въ дальній путь, захвативъ съ собою лишь „le strict necessaire“ вещей, такъ какъ передвиженіе съ багажемъ въ Соединенныхъ Штатахъ при наличности пересадокъ очень обременительно.

Конечной цѣлью моей поѣздки является всемірная выставка въ Санъ-Франциско.

Въ Чикаго пріѣзжаемъ 23-го вечеромъ. Шумъ и горячка, а также и грязь тѣ же, что и въ Нью-Йоркѣ, такія же узкія съ высокими домами улицы, то же движеніе и суета: такого скопленія автомобилей, кажется, нигдѣ нѣтъ; особенно отличается этимъ единственная красивая широкая улица „Michigan Avenue“, идущая вдоль берега озера того же названія; здѣсь пополудни rendez-vous всего, что претендуетъ на шикъ и элегантность, здѣсь вечеромъ играетъ на прибрежной лужайкѣ оркестръ, сюда приходитъ усталый „businessman“ подышать свѣжимъ воздухомъ передъ сномъ попозже, когда отъ ночной росы уляжется черный угольный дымъ, витающій надъ городомъ, вдыхаемый легкими, осаждающійся на платьяхъ и воротникахъ чернымъ грязнымъ слоемъ.

28-го утромъ ѣду дальше на западъ; три дня и три ночи тянется жаркій и пыльный путь.

Замѣчательнъ видъ пустыни „great salt lake“ въ мормонскомъ штатѣ Юта (Utah); когда-то великое соленое озеро занимало пространство во много разъ больше сегодняшняго, но, вѣроятно, вслѣдствіе измѣненія условій климата и исчезновенія ледниковъ въ окрестныхъ горахъ, оно стало высыхать и испаряться и вотъ сегодня подъ водой осталась лишь незначительная часть, а вокругъ тянется безконечная бѣлая соляная пустыня; здѣсь такъ тихо, что жутко становится; на много миль кругомъ не видно ни травинки, ни куста, птица сюда не залетаетъ, звѣрь не забѣгаетъ, даже насѣкомыхъ нѣтъ никакихъ; лишь поѣздъ, нарушая мертвенную тишину, мчитъ по прямой линіи рельсъ, теряющейся изъ виду въ одной точкѣ на бѣломъ горизонтѣ. Мало-помалу спускаемся со склоновъ скалистыхъ горъ, являющихся гранью между центральными и западными штатами. Какой здѣсь богатый благословенный край! Но людей мало; безконечныя пространства плодороднѣйшей почвы лежатъ безъ употребленія; стоятъ дремучіе лѣса, никѣмъ еще не обсаженные.

НА ВЫСТАВКѢ ВЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО.

Солнечнымъ утромъ 31-го іюля прибываю въ Oakland, конечный пунктъ желѣзной дороги; отсюда громадный паромъ-пароходъ перевозитъ въ полчаса до самаго Санъ-Франциско, разукрашеннаго флагами, триумфальными арками и привѣтственными надписями по поводу всемірной выставки.

Я очень радъ, что догадался заранѣе заказать по телеграфу номеръ въ гостиницѣ, а то наплывъ посѣтителей такой, что пришлось бы остаться безъ помѣщенія. Городъ весь бѣлый, сверкающій, расположенъ на холмистомъ полуостровѣ между океаномъ и заливомъ, синія воды котораго вливаются въ океанъ узкими воротами, горящими расплавленнымъ золотомъ при заходѣ солнца. Климатъ идеальный: здѣсь никогда не бываетъ тропической жары, не бываетъ и холодовъ; почти круглый годъ стоитъ солнечная прохладная погода.

На выставку, помѣщающуюся на низменномъ берегу океана, проложены отъ центра города спеціальныя линіи трамваевъ, курсируютъ автобусы и таксомоторы. Выставка грандіозна по размѣрамъ, и удивительно по замѣчательному общему колориту: бирюзовые и оранжевые купола, блѣдножелтая подъ мраморъ стѣны, темная синева моря и неба, зелень пальмъ и травяныхъ ковровъ, пятна цвѣтниковъ—все это даетъ яркую, но гармоническую цѣлостъ.

„Самое замѣчательное въ Нью-Йоркѣ“.

Въ Нью-Йоркѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ заграничи, ходятъ спеціальныя автобусы для осмотра города „Seen New-York“. Провожатый объясняетъ ѣдущимъ, крича въ рупоръ, мимо чего проѣзжаютъ; когда на окраинѣ Нью-Йорка встрѣчается доживающая свои дни конка, провожатый кричитъ:— „это самое замѣчательное въ Нью-Йоркѣ“...

Центръ выставки занимаетъ высокая „башня драгоценностей“, сверкающая по всѣмъ контурамъ разноцвѣтными хрустальями, дивно играющими на солнцѣ. Подъ башней первый входъ въ главныя официальные зданія, соединенныя въ одно архитектурное цѣлое снаружи, но внутри раздѣленныя рядомъ дворовъ, изъ которыхъ каждый носитъ свое названіе и соотвѣтствующій характеръ и стиль; такъ есть дворъ вселенной съ воротами заходящаго и восходящаго солнца, дворъ плодородія съ аллегорической скульптурой, дворъ тишины, гдѣ въ тѣни журчитъ задумчивый фонтанъ и т. д. Кругомъ главнаго корпуса расположены павильоны государствъ (всѣ, кромѣ Россіи) и отдѣльныхъ штатовъ Америки, а также дворцы искусствъ, садоводства и развлеченій.

Чудеснѣе дворецъ искусствъ, утопающій въ зелени надъ тихой заросшей водорослями лагуной. Шедевромъ зодчества является павильонъ Италіи,—прелестное „palazzo“, немного напоминающее королевскій дворецъ въ Rassoligi; внутри всѣ экспонаты, состоящіе изъ картинъ, скульптуры, рѣдкой старинной мебели, мозаики и пр., развѣшаны и развѣшаны такъ, что даютъ полную вкуса обстановку комнатъ. Больше всего публики, особенно женщинъ, во Франко-Бельгійскомъ павильонѣ, большомъ бѣломъ строеніи въ стилѣ поздняго ренессанса, сплошь заставленнымъ витринами съ матеріалами, кружевами, шляпами, платьями, ювелирными издѣліями и парфюмеріей; здѣсь передъ этими прелестями такая толкотня, что двинуться невозможно.

Всѣ, малѣйшія даже, государства показали себя на выставкѣ: Персія, Сіамъ, даже маленькій Гаити представлены тутъ, блеститъ лишь полнымъ отсутствіемъ экспонатовъ Россія, и это именно теперь, когда Америка все болѣе и болѣе начинаетъ интересоваться нами и нашимъ рынкомъ.

Для сообщенія между отдѣльными частями выставки придумана цѣлая система передвиженія: тутъ и круговая миниатюрная желѣзная дорога, не болѣе трехъ футовъ вышиною, и автомобильные поѣзды, и самодвижущіеся электрическія кресла, и, наконецъ, простыя кресла на колесахъ, передвигающіяся при помощи одной человѣческой силы. Число посѣтителей доходило до 150.000 въ день. Особенно толпа возрастала въ дни чествованія отдѣльныхъ государствъ, участвующихъ въ выставкѣ. Особенно оживленнымъ вышелъ нѣмекій день: нѣмцы рѣшили съѣхаться со всѣхъ концовъ Америки, чтобы подчеркнуть свою силу; и, дѣйствительно, понаѣхало ихъ столько, что не всѣ смогли помѣститься въ предѣлахъ выставки. Эти господа держали себя крайне непринужденно, все время громко пѣли кичливыя патриотическія пѣсни, понаѣдали красно-бѣло-черныя шапки и ленты и вообще чувствовали себя, какъ дома; выбрали они сейчасъ же президіумъ съѣзда въ составъ пяти самыхъ толстыхъ и красныхъ физиономій, которыя и начали обходить павильоны съ официальными визитами; первымъ подъ руку попалъ французскій; они съ свойственнымъ нѣмцамъ тактомъ церемоніально ввалились туда въ полномъ блескѣ своихъ атрибутовъ—лентъ и медалей; не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ пять делегатовъ были выброшены наружу и самымъ непочтительнымъ образомъ спущены съ лѣстницы администраціей и сторожами павильона. Конфузъ былъ громадный, нѣмцы негодовали, но американская печать съ восторгомъ описала этотъ инцидентъ со многими ироническими комментаріями.

Ночью выставка представляетъ волшебное зрѣлище: она вся сплошь иллюминирована, но совершенно новымъ, впервые примѣненнымъ путемъ. Прекрасныя зданія ея не слѣпятъ глаза рядами электрическихъ лампочекъ, тянущихся по всѣмъ контурамъ и очертаніямъ, какъ до сихъ поръ вездѣ практиковалось, но отражаютъ лишь мягкій свѣтъ десятковъ прожекторовъ, скрытыхъ гдѣ-то вдали, причѣмъ цвѣта этого освѣщенія ежеминутно мѣняются, съ зеленого на желтый, съ краснаго на голубой и т. п. Это поразительно красиво!

10-го августа съ сожалѣніемъ покидаю Санъ-Франциско.

ДОМОЙ...

Въ 4 часа пополудни статный „Царь“, большой и роскошно обставленный пароходъ Русско-Восточно-Азіатскаго Пароходства, медленно отчаливаетъ отъ своей пристани въ Бруклинѣ.

Идемъ до Архангельска ровно двѣ недѣли, гибкая берега Исландіи, показавшіяся намъ издали рядомъ темныхъ пятенъ на горизонтѣ, лавируя сутки въ плавающихъ льдахъ и любуясь дрожащимъ таинственнымъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія по ночамъ.

1-го нашего сентября на пятнадцатый день путешествія по сѣвернымъ водамъ, входимъ въ устьѣ величественной Сѣверной Двины, а 3-го вечеромъ встрѣчаюсь мени мелкимъ дождемъ и холодомъ Петроградъ.

Ю. Бениславскій.

МОЦАРТЪ И САЛІЕРИ.

(Новыя данныя къ драматическимъ сценамъ Пушкина).

Сценическое воплощеніе, данное Московскимъ Художественнымъ Театромъ Пушкинскому творенію воскресило забытую легенду о гибели свѣтлаго бога гармоніи отъ руки завистника. Вновь возсталъ передъ нами гениально очерченный образъ Моцарта, олицетворяющей духовную красоту, и невольно возвращается мысль къ вопросу, что видѣлъ самъ поэтъ въ замыслѣ своей трагедіи, какими историческими данными онъ направлялся.

* * *

Трагедія „Моцартъ и Саліери“ написана, какъ извѣстно, поэтомъ въ селѣ Болдинѣ, гдѣ онъ провелъ осень 1830 года. По возвращеніи въ Москву онъ сообщаетъ Плетневу (9 декабря 1830 г.): „Вотъ что я привезъ съ собой: 2 послѣднія главы „Онѣгина“, 8 и 9, совсѣмъ готовую къ печати, повѣсть, написанную октавами, (400 стиховъ) которую выдадимъ Апопуге, нѣ-

сколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: „Скупой Рыцарь“, „Моцартъ и Саліери“, „Пиръ во время чумы“ и „Донъ Жуанъ“. О томъ, что именно навело поэта на мысль создать трагедію зависти, чувства совершенно чуждаго самому Пушкину, какъ чуждо оно было Моцарту, мы можемъ лишь догадываться на основаніи единственной его замѣтки, относящейся къ Моцарту и Саліери и оторванной отъ частной, совершенно незначительной записки начала 1833 года:

„Въ первое представленіе „Донъ Жуана“, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Саліери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью. Саліери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта. Завистникъ, который могъ освистать „Донъ Жуана“, могъ отравить его творца“.

Это извѣстіе, повидному, и послужило для Пушкина толчкомъ къ созданію драматическихъ сценъ, написанныхъ въ Болдинѣ.

На отдаленной полкѣ Императорской Публичной Библиотеки, вообще не богатой старыми музыкальными изданіями, намъ удалось найти нѣмецкіе журналы той эпохи, которые, согласно вышеприведенной замѣткѣ Пушкина, могутъ дать кое что для освѣщенія творческаго гениса болдинской трагедіи.

Очевидно Пушкинъ въпривилъ въ преступленіе Саліери, иначе едва ли рѣшился бы вывести на сцену лицо недавно умершее и связать съ его именемъ тяжелое обвиненіе, ни на чемъ, кромѣ шаткихъ психологическихъ догадокъ не основанное. Порукой этому служитъ замѣчаніе самого поэта: „обременять историческіе характеры вымышленными ужасами не мудро и не великодушно“. Пушкинъ сначала предполагалъ назвать трагедію „Зависть“, но затѣмъ, признавъ достоверность журнальныхъ сообщеній о Саліери, остановился на послѣднемъ ея заглавіи „Моцартъ и Саліери“, подъ которымъ она и напечатана была въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“ 1832 года.

* * *

Антоній Саліери, весьма плодовитый композиторъ, игралъ очень видную роль въ музыкальной жизни Вѣны, гдѣ безуспѣшно пытался

создать себѣ прочное положеніе Моцартъ. Еще въ юности Саліери обратилъ на себя вниманіе вліятельнаго вѣнскаго придворнаго капельмейстера Гасмана. Послѣ смерти послѣдняго, Саліери былъ назначенъ его преемникомъ. Молодой итальянецъ сумѣлъ снискать довѣріе императора Юсифа II, онъ принималъ постоянное участіе въ интимныхъ музыкальныхъ собраніяхъ при дворѣ, давалъ уроки эрцгерцогамъ и герцогинямъ и своимъ вкрадчивыми придворными манерами сумѣлъ заслужить расположеніе вѣнской знати. Въ качествѣ композитора онъ едва ли возвышался надъ многочисленными своими итальянскими собратіями, но оперы его имѣли всегда огромный успѣхъ у публики. Саліери, учитель Бетховена и Шуберта, былъ несомнѣнно музыкантомъ весьма образованнымъ, не лишеннымъ чуткѣ къ новымъ вѣяніямъ въ искусствѣ. Когда возсіяла звѣзда Глюка, хитрый вѣнскій капельмейстеръ сумѣлъ на столько хорошо усвоить себѣ стиль послѣдняго, что великій музыкальный реформаторъ охотно уступилъ ему либретто новой оперы, выполнить которую ему помѣшалъ рядъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ музыкальная характеристика Саліери у Пушкина довольно точна и не расходится съ исторической дѣйствительностью. Вспомнимъ первый монологъ Саліери:

... Когда явился великій Глюкъ,
Явился и открылъ намъ новы тайны
(Глубокія плѣнительныя тайны!)
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ
И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался
И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?

„Усиленнымъ напряженіемъ постоянствомъ“ Саліери дѣйствительно достигъ почета и славы, когда на музыкальномъ горизонтѣ

Вѣны возшло солнце Моцарта. Современники рисуютъ итальянскаго маэстро челоукомъ высокихъ добродѣтелей и благороднаго сердца, но, повидному, эти качества души безсилны были преодолѣть чувство зависти.

Саліери занялъ позицію упорно враждебную по отношенію къ Моцарту, и между ними даже не существовало тѣхъ внѣшне дружескихъ отношеній, которыя рисуетъ въ своихъ драматическихъ сценахъ Пушкинъ. Ни одно жизнеописаніе Моцарта или Саліери не даетъ намъ намека о личной дружбѣ компо-

Антоніо Саліери (1750—1825).
Рисунокъ Реберга.

Моцартъ (1756—1791).

Вновь найденный портретъ работы I. Ланге.

Изъ Публичн. Библиотеки.

зиторомъ. Единственное „благопріятное“ въ этомъ смыслѣ извѣстіе заключается въ некрологической замѣткѣ „Черты изъ жизни А. Саліери“ (Всеобщая Музыкальная Газета. Лейпцигъ, 1825, № 84) его ученика Гютенбреннера, быть можетъ знакомой Пушкину. Гютенбреннеръ сообщаетъ, что Моцартъ заходилъ часто къ Саліери въ придворную библиотеку (?), обращаясь къ нему обыкновенно: „Милый папаша“— южно-нѣмецкая манера выражаться— „дай-ко мнѣ какуюнибудь старую итальянскую партитуру я хотѣлъ бы переписать ее съ тобой вмѣстѣ“. Но все же этого мало для той картины близости, какую рисуетъ поэтъ.

Моцартъ съ любовью и уваженіемъ относился къ своимъ товарищамъ по искусству, въ томъ числѣ и къ Саліери, который, по увѣренію Моцартовой невѣстки „терпѣть не могъ гениальнаго мастера“. Однако, Саліери былъ слишкомъ искуснымъ дипломатомъ,

чтобы открыто проявить свою неприязнь къ новому придворному композитору. Онъ старался вредить ему путемъ закулисныхъ интригъ. Съ вѣншней стороны его отношенія къ Моцарту не оставляли желать лучшаго. На одномъ изъ первыхъ представленій „Волшебной флейты“ онъ восторженно привѣтствовалъ новое произведение своего коллеги и разсыпался передъ нимъ въ изысканныхъ похвалахъ. (Письмо Моцарта 13 юля 1791 г.). Остается загадкой, гдѣ могъ почерпнуть Пушкинъ извѣстiе о томъ, что Салиери позволилъ себѣ рѣзкую выходку на представленіи „Донъ Жуана“. Только въ интимномъ кругу друзей Салиери дѣйствительно съ ненавистью говорилъ объ успѣхахъ Моцартовскихъ оперъ и даже дошелъ до страннаго утвержденія, передаваемого біографомъ Моцарта, Нолемъ: „Конечно жаль, что такой великій геній, какъ Моцартъ умеръ въ расцвѣтѣ силъ, но слава Богу, что онъ поконился въ могилѣ (!), ибо, если бы онъ жилъ еще теперь, то всѣ мы остались безъ куска хлѣба“. Слова эти опять-таки до извѣстной степени соотвѣтствуютъ стихамъ Пушкинской трагедіи, хотя Салиери объясняетъ въ нихъ свое преступленіе иными болѣе возвышенными мотивами.

Какимъ же образомъ зародилась легенда о преступленіи Салиери? Какъ извѣстно, Моцартъ внезапно сраженъ былъ недугомъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Послѣ первыхъ приступовъ болѣзни имъ овладѣла меланхолія, объясняемая, вѣроятно, болѣзненнымъ мозгомъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Моцартъ говорилъ женѣ, что ему часто кажется, будто его отравили. Романтической ореоломъ, окружавшей всю жизнь Моцарта, сдѣлалъ въ глазахъ его восторженныхъ поклонниковъ вполне возможнымъ такое объясненіе его внезапной смерти.

Было еще одно таинственное обстоятельство, предшествовавшее кончинѣ Моцарта и упоминаемое также въ трагедіи. Лѣтомъ 1791 г. (у Пушкина несомнѣнная неточность—Моцартъ умеръ въ декабрѣ того же года) ¹⁾ къ композитору явился нѣкто въ темномъ сѣромъ одѣяніи и предложилъ ему написать за условленную плату Requiem. Всѣ попытки Моцарта узнать имя незнакомца не привели ни къ чему. Заказчикъ хранилъ упорное молчаніе и не давалъ о себѣ знать.

Склонный къ мистицизму Моцартъ усмотрѣлъ въ появленіи таинственнаго незнакомца указаніе свыше, и въ немъ создалась увѣренность, что заупокойную музыку онъ пишетъ для самого себя.

Впослѣдствіи таинственность появленія незнакомца получила вполне естественное объясненіе. „Нѣкто въ черномъ“ оказался управляющимъ одного австрійскаго магната, графа Вальсегга, любителя, имѣвшаго слабость считать себя композиторомъ. Послѣдній желалъ воспользоваться произведеніемъ Моцарта для того, чтобы выдать его за собственную композицію. Съ этой цѣлью отъ Моцарта была даже взята подписка въ томъ, что онъ не имѣетъ права печатать своего Requiem'a, и вдовѣ композитора стоило большихъ усилій спасти рукопись ея мужа отъ притязаній этого „любителя музыки“.

Таковъ историческій фонъ трагедіи послѣднихъ дней Моцарта. Салиери пережилъ своего соперника на 30 лѣтъ. Онъ былъ старше Моцарта только на пять лѣтъ. Гримъ Станиславскаго, такимъ образомъ, совершенно произволенъ.

Послѣ смерти Салиери распространенная въ ту эпоху „Всеобщая музыкальная газета“ напечатала статью авторитетнаго критика Рохлица. Статья эта имѣется въ Публичной Библіотекѣ и, можетъ

быть, тѣмъ или инымъ путемъ дошла до Пушкина ¹⁾. Въ концѣ статьи имѣется дѣйствительно загадочное указаніе, что „Салиери на смертномъ одрѣ обвинялъ себя въ преступленіи, на которое даже злѣйшіе враги не сочли бы его способнымъ“.

Сообщеніе Рохлица было подхвачено многими журналами, нѣмецкими, французскими, итальянскими и вызвали со стороны одного изъ друзей семьи Моцарта, Сигисмунда Нейкома, два года спустя, обстоятельное опроверженіе этихъ слуховъ.

Опроверженіе это напечатано въ Берлинской музыкальной газетѣ за 1827 г.:

„Газеты въ послѣднее время часто повторяютъ извѣстіе, что Салиери на одрѣ смерти призналъ себя виновнымъ въ преждевременной кончинѣ Моцарта, но ни одна изъ нихъ не указала еще источника столь тяжкаго обвиненія, оскорбляющаго память чело-вѣка, который въ теченіе 58 лѣтъ пользовался глубокимъ уваженіемъ вѣнскихъ жителей. Я полагаю, что долгъ всякаго честнаго чело-вѣка, во имя возстановленія поруганной чести знаменитаго композитора, предать публичности все, что ему извѣстно объ этомъ чело-вѣкѣ.“

Во время моего пребыванія въ Вѣнѣ (1789—1804) я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Моцарта и отъ нея узналъ точнѣйшія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни великаго композитора, который, подобно Рафаэлю, скончался въ расцвѣтѣ силъ, но вовсе не отъ руки убійцы, какъ нынѣ утверждаютъ, а отъ нервной горячки...

Онъ былъ уже серьезно боленъ, когда отправился въ Прагу на коронацію Леопольда II для постановки оперы „Il Clemenza di Tito“, которую ему поручено было сочинить по сему случаю. По возвращеніи въ Вѣну онъ взялся за композицію реквиема, но не могъ уже больше встать съ постели.

Моцартъ уже давно предчувствовалъ свою кончину. Я вспоминаю, что мой учитель Гайднъ рассказывалъ мнѣ однажды: Моцартъ, прощаясь съ нимъ, передъ отъѣздомъ Гайдна въ Лондонъ въ 1790 году со слезами на глазахъ промолвилъ: „боюсь, отецъ мой, что мы видимся съ тобою въ послѣдній разъ“. Гайднъ, болѣе старымъ годами, полагалъ, что Моцартъ имѣетъ въ виду его кончину и былъ очень обезпокоенъ словами послѣдняго.

Моцартъ и Салиери не поддерживали другъ съ другомъ особу дружескихъ отношеній, но питали взаимное уваженіе, какое подобаешь людямъ съ крупными заслугами въ искусствѣ. Салиери никакъ не могъ быть обвиненъ въ зависти по отношенію къ Моцарту, и каждый, кто знавалъ его, охотно подтвердитъ, что онъ въ теченіе 58 лѣтъ велъ совершенно безупречный образъ жизни, не упуская случая оказать добро своему ближнему...

Если и было доказано, что Салиери умирая называлъ себя виновникомъ ужаснаго преступленія, то не слѣдовало съ такой легкостью вѣрить словамъ 74 лѣтняго, несчастнаго старца, доведеннаго до отчаянія безумными страданіями, такъ какъ извѣстно, какъ помраченъ былъ его умъ незадолго до кончины.

Примите и проч.

Сигизмундъ Нейкомъ.

Письмо это совершенно возстановляетъ доброе имя Салиери, и болѣе позднія изслѣдованія не располагаютъ ни однимъ фактомъ, прямо или косвенно подтверждающимъ легенду объ отравленіи Моцарта.

Евгеній Браудо.

¹⁾ Въ остальныхъ подробностяхъ описаніе послѣднихъ дней творца Донъ Жуана у Пушкина точно совпадаетъ съ первой біографіей Моцарта Г. Ниссена. Книга эта вышла въ 1828 году, и экземпляръ ея имѣлся въ Петербургѣ у одного изъ мѣстныхъ книгопродавцевъ, какъ мы имѣли возможность установить по списку подписчиковъ на это изданіе, приложенному въ концѣ книги.

¹⁾ Мы знаемъ, напримѣръ, что поэтъ встрѣчался въ домѣ Карамзина съ пламеннымъ поклонникомъ Моцарта, Улыбышевымъ, авторомъ большой монографіи о гениальномъ композиторѣ.

КУСОЧЕКЪ СКУЧНАГО, НО ИНТЕРЕСНАГО РАЗГОВОРА.

... — Сопоставляютъ текущую войну съ войнами начала прошлаго столѣтія—1812 и 1912, 1815 и 1915... Стараются найти и въ глубинѣ исторіи такіе же столѣтніе періоды. Но вѣдь сто лѣтъ понятіе условное. Сто лѣтъ кажутся намъ какимъ то особеннымъ, многозначительнымъ, цѣльнымъ, округленнымъ періодомъ времени, но это такъ только постольку, поскольку люди современнаго міра приняли для своего счета десятиричную систему. По этой системѣ „сто“ дѣйствительно цифра особенная. Но если бы мы пользовались не десятиричной системой, а скажемъ, двойничной или пятиричной, то сто перестало бы быть округленнымъ. Сто — понятіе искусственное, ста въ природѣ нѣтъ. Гораздо ближе къ природѣ была бы, пожалуй, система двоичная — два глаза, двѣ ноги, двѣ руки и все живетъ парами...—или пятиричная—по числу пальцевъ на рукѣ или ногѣ. А цифра десять нигдѣ въ природѣ не проходитъ съ какимъ либо особымъ подчеркиваніемъ.

Если бы люди приняли систему двоичную, то число 32 или 64 были бы круглыми цифрами, а сто—нѣтъ. При пятиричной системѣ круглымъ числомъ было бы 25 или 125, и т. д.

Въ областяхъ астрономіи нигдѣ нѣтъ періодовъ кратныхъ десяти. Вращеніе одной планеты около другой, число планетъ, различные періоды времени мірового пространства ничего общаго не имѣютъ съ цифрою сто. Годъ—это взято изъ природы, сто лѣтъ—искусственно построено.

Можетъ быть повторяющіеся періоды міровыхъ событій и

существуютъ, но они совсѣмъ не должны быть кратными десяти. Даже наши календарные періоды не кратны десяти. И даже, навѣрно, періоды существуютъ, но какіе? Когда рѣчь заходитъ о геологическихъ періодахъ нашей планеты, ученые спорятъ только о милліонахъ лѣтъ...

И все таки очень интересно, глядя вглубь исторіи, найти эти періоды. По прошлому можно судить о будущемъ, если умѣло читать это прошлое...

Помните извѣстный рассказъ Джорджа Уэльса—„Машина времени“. Садясь на эту машину и удаляясь отъ земли, чело-вѣкъ обгоняетъ время, онъ забѣгаетъ впередъ, онъ видитъ всѣ событія, которыя еще не случились, но уже родились гдѣ то въ пространствѣ и неизбѣжно придутъ къ намъ. Мы знаемъ, что все кругомъ на землѣ наполнено нервными токами и эти токи воспринимаются нами. Историческія событія не являются вдругъ, они предварительно скапливаются гдѣ то въ пространствѣ въ видѣ нервныхъ токовъ и потомъ эти токи воспринимаются всѣми, и каждому кажется, что онъ выдумалъ это самъ. Левъ Толстой доказывалъ въ „Войнѣ и мирѣ“ ничтожность воли отдѣльныхъ лицъ, даже въ войнѣ. Эту мысль проводили и многіе другіе писатели. И результаты нашей войны уже давно рождены въ пространствѣ, они несутся къ намъ съ бѣшеной скоростью времени изъ невѣдомаго и если бы „машина времени“ была уже изобрѣтена, мы могли бы поѣхать въ будущее, посмотреть и вернуться обратно.

„ВЕСЬ ПЕТРОГРАДЪ“.

ГРАФЪ И. И. ТОЛСТОЙ.

Шаржъ худ. Дени.

ВОСКЪ ВЪ ИСКУССТВѢ.

Примѣненіе воска для художественныхъ произведеній было извѣстно въ древности. Большое распространеніе имѣлъ онъ и въ средніе вѣка также, несмотря на то, что цѣнился очень дорого, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя примѣры. Такъ въ 1423 г. при торжественномъ въѣздѣ короля французскаго Карла VII въ Туръ, городъ, въ числѣ прочихъ подарковъ, поднесъ ему 50 восковыхъ свѣчей, и 25 свѣчей меньшаго размѣра королевѣ. Въ числѣ подарковъ, присланныхъ Генуей королю Людовику XIV находились двѣнадцать ящиковъ воску.

Восковыя свѣчи, употреблявшіяся при королевскихъ дворахъ и знатю, могли считаться художественными произведеніями, такъ какъ часто росписывались и украшались лучшими художниками, и стоили такъ дорого, что въ 1294 году появился указъ Филиппа Красиваго, строго опредѣлявшій какого званія лица имѣютъ право

Большую роль игралъ воскъ и при колдовствѣ. Считалось, что если сдѣлать изъ воска изображеніе человѣка, то послѣ нѣкоторыхъ кабалистическихъ обрядовъ, можно было причинить страданія и смерть лицу, восковая кукла котораго сдѣлана, подвергая эту куклу мученіямъ. Въ XVI вѣкѣ, въ Италіи стали изготовлять изъ воску небольшіе медальоны похороннаго характера, часто раскрашивая ихъ.

Эта мода, судя по дошедшему до насъ, несмотря на хрупкость матеріала, довольно большому количеству экземпляровъ, была значительно распространена, и перейдя изъ Италіи въ другія страны, удержалась до середины XVI вѣка.

Часто воскъ служилъ вспомогательнымъ матеріаломъ для художественныхъ работъ, изъ него дѣлались предварительныя проекты, изготовлялись модели и т. д.

Гр. О. Толстой.
Медальонъ въ память освобожденія
Москвы отъ нашествія иноплемени-
ковъ. Музей Имп.
Александра III.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“.

Густавъ IV, ко-
роль шведскій.
Красный воскъ.
Императорскій
Эрмитажъ.

П. Уткинъ. „Судъ Париса“. Музей Императора Александра III.

пользоваться восковыми свѣчами и запрещавшій это всѣмъ остальнымъ.

Большое примѣненіе имѣлъ воскъ при изготовленіи ex voto, частей тѣла, цѣлыхъ фигуръ и т. п., приносившихся больными въ даръ святымъ. Герцогъ Бургундскій Филиппъ Смѣлый, сынъ котораго былъ укушенъ въ колѣно бѣшеной собакой, послалъ Св. Антонію въ городъ Виеннѣ, сдѣланное изъ воска изображеніе больного, равное ему по вѣсу. Карлъ VI, король французскій, во время постигшей его болѣзни посылалъ различнымъ святымъ свои изображенія изъ воску, въ натуральную величину.

Такія изображенія изъ воску, насколько возможно похожія, дѣлались послѣ смерти знатныхъ лицъ. Изображеніе покойнаго, одѣтое въ богатую одежду, клалось на парадную кровать и ему воздавались тѣ же почести, что и при жизни. Изображеніе короля Генриха IV было выставлено въ теченіе 40 дней. Обычай этотъ держался во Франціи съ XIV до середины XVIII вѣка.

Въ Россіи въ до Петровское время скульптурныя произведенія не были въ большомъ употребленіи и потому воскъ употреблялся почти исключительно для свѣчей и печатей. Правда, въ дворцовыхъ описяхъ XVII вѣка встрѣчаются „воцанья“ фигуры, но, судя по описаніямъ, всѣ эти фигуры принадлежали къ такъ называемымъ вертепамъ, изображеніемъ Рождества Христова и Поклоненія волхвовъ, и были, очевидно, иностраннаго происхожденія. Зато отъ петровскаго времени сохранилось — и по счастью вернулось въ Россію — произведеніе изъ воску, представляющее огромную цѣнность.

Въ 1714 году по приказанію Петра Великаго, въ Римѣ была куплена мраморная статуя Венеры, извѣстная нынѣ подъ названіемъ Венеры Таврической и находящаяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. При вывозѣ статуи изъ Рима возникли недоразумѣнія, которыя были улажены при посредствѣ кардиналовъ Либани и Оттобони. Въ благодарность Петръ дозволилъ

Портретъ вельможи. Раскрашенный воскъ. Французская работа XVI в. Музей бар. Штиглица.

Профиль Винкелмша. Работа Вел. Княжны Александры Павловны. Императорскій Эрмитажъ.

снять съ себя для кардинала маску, по которой былъ изготовленъ восковой бюстъ, находившійся въ Италіи; въ серединѣ XIX вѣка онъ былъ розысканъ и пріобрѣтенъ для Императора Николая Павловича. Въ настоящее

время бюстъ находится въ Петровской галлерей въ Императорской Академіи Наукъ.

Послѣ смерти Петра Великаго извѣстнымъ скульпторомъ графомъ Растрелли была изготовлена въ натуральную величину фигура Императора, одѣтая въ голубой шитый серебромъ кафтанъ, фигура эта въ настоящее время находится также въ Императорской Академіи Наукъ.

Въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ воскъ часто примѣнялся медальерами для изготовленія предварительныхъ эскизовъ. Прекрасныя собранія работъ изъ воску двухъ нашихъ извѣстныхъ медальеровъ XIX вѣка, графа Федора Петровича Толстого и Павла Петровича Уткина находятся въ Русскомъ Музеѣ Императора Александра III.

Р. Гройницкій.

Люблю нѣмую грусть осеннихъ блѣдныхъ дней,
И ночи шумныя въ огнистомъ ожерельи,
И отраженіе спокойныхъ фонарей
На блестящей, грѣхомъ затоптанной панели...
И хмурый Петроградъ съ туманомъ и
дождемъ
Напоминаетъ мнѣ своей нѣмой печалью,
Красавицу съ заплаканнымъ лицомъ,
Подъ бѣлой, трепетной, задумчивой вуалью...

Н. А.

Деревянный домъ въ Глубокомъ (сгорѣлъ).

Перепечатка изъ № безъ указанія источника воспрещается; перепечатка портретовъ и группъ вообще воспрещается. Законъ 20 марта 1911 года.

Каменный домъ въ Глубокомъ (уцѣлѣлъ отъ пожара).

УСАДЬБА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Имѣніе Глубокое, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи, на границѣ Витебской, составляло часть земель, жалованныхъ гр. Разумовскому и въ 30 годахъ прошлаго столѣтія купленныхъ кн. Мих. Ал. Дондуковымъ-Корсаковымъ, уже изъ вторыхъ рукъ, отъ помѣщика Чичагова. Часть этихъ земель, въ размѣрѣ 12-ти тысячъ десятинъ, князь Михаилъ Александровичъ выдѣлилъ для постройки усадьбы, изъ-за выдающейся красоты гористой мѣстности, изобилующей озерами и большими хвойными лѣсами. Съ горы, гдѣ теперь стоитъ усадьба, открывается очень красивый видъ на озеро. Въ концѣ 30-хъ или началѣ 40-хъ годовъ, на мѣстѣ картофельнаго поля, кн. Мих. Ал. началъ строить сперва одинъ небольшой одноэтажный деревянный домъ, затѣмъ, на близкомъ разстояніи отъ него, и другой, также деревянный; потомъ оба дома

были соединены большой сквозной гостиной съ балкономъ, выходившимъ въ сторону озера и округленнымъ выступомъ съ окнами (bow-window). Надъ всѣмъ этимъ, надстроены были второй и третій этажи. Съ балкона, въ гостиной, открывался видъ на озеро (до 5-ти верстъ въ окружности), съ двухъ сторонъ окаймленное густымъ лѣсомъ и въ свободное отъ него простран-

Домъ и аллея.

ство, прямо противъ балкона, видѣлось, отдѣленное узкой полосой отъ перваго озера, и второе, немного больше перваго. За нимъ открывалась волнистая даль, гдѣ тянулась темносиняя полоса хвойнаго лѣса, окаймляющая старинное шоссе изъ Пскова въ Черниговъ. Спускъ отъ дома къ озеру былъ превращенъ въ рядъ террасъ, изъ которыхъ двѣ первыя были съ клумбами цвѣтовъ, а послѣдняя — съ цвѣтущими кустарниками. Вокругъ всего дома, съ южной и сѣверной стороны его, былъ искусно распланированъ садъ съ группами кустовъ сирени и другими. Одновременно посажены были двѣ аллеи — дубовая, при въѣздѣ въ усадьбу, и кленовая, по которой подѣзжали къ дому.

Хотя домъ, такимъ образомъ постепенно составленный, вмѣщалъ въ себя двадцать пять комнатъ, все же помѣщеніе было недостаточно для семьи, нѣкоторые члены которой пріѣзжали съ дѣтьми; недостаточно также для многочисленныхъ гостей, посѣщавшихъ гостеприимныхъ хозяевъ въ Глубокомѣ. Ввиду этого, поодаль, былъ выстроенъ небольшой деревянный домъ, типа большого

дома. Затѣмъ построенъ былъ вблизи большого дома, противъ кленовой аллеи, еще каменный, небольшой домъ. Верхній этажъ былъ для гостей, а внизу была кухня, кладовая и помѣщеніе для прислуги. Постепенно прибавлялись разныя постройки: дома для служачихъ, оранжереи, квадратное строеніе съ внутреннимъ дворомъ, гдѣ были конюшни и скотный дворъ, амбары, прачешная на берегу озера и проч.

Когда кн. Мих. Ал. купилъ Глубокое, приходская церковь находилась въ 12-ти верстахъ отъ будущей усадьбы, а потому одновременно начали строить усадебный храмъ, который и былъ освященъ въ 1853 году. Въ 1907 году со стороны алтаря похороненъ былъ гр. П. Вл. Гейденъ, членъ 1-ой Государственной Думы.

Для удобства проѣзда вокругъ озера, близъ поворота къ церкви, были построены „Святые ворота“; надъ ними, подъ мостомъ, находится рельефное изображеніе благословляющаго Христа. На мѣстѣ, выбранномъ для построения храма, при заложении фун-

Одна изъ комнатъ въ Глубокомѣ, со старинной обстановкой.

дамента, найденъ былъ старинный католическій крестъ, съ отчасти сохранившимися эмалевыми изображеніями Спасителя съ одной стороны и „Agnus Dei“ съ другой, также изображение Богоматери и четырехъ Евангелистовъ. Крестъ этотъ въ настоящее время находится въ Глубоковскомъ храмѣ. По опредѣленію Московскаго Археологическаго Общества, этотъ крестъ относится къ XIII вѣку.

Въ 1908 году большой деревянный домъ сгорѣлъ, но небольшой каменный остался невредимъ, благодаря защитѣ густой листвы каштановыхъ деревьевъ. На фундаментѣ былаго дома устроенъ цвѣтникъ съ клумбами розъ, а на части дома съ подвальнымъ этажемъ сдѣлана цементная площадка со скамейками.

Церковь и „Святые ворота“.

Два озера въ Глубокомѣ.

ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.

ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНАГО ПРОШЛАГО.

Въ концѣ 1880 г. Петербургъ обогатился новымъ театральнымъ зданіемъ. Графъ Апраксинъ построилъ вблизи Апраксина рынка новый театръ, въ отличіе отъ другихъ названный „Малымъ“. Этотъ театръ въ первый годъ существованія арендовала Дирекція Императорскихъ Театровъ и тамъ въ теченіе одного сезона давались параллельно съ Александринскимъ театромъ драматическіе спектакли. Помню, что въ этомъ театрѣ я впервые видѣлъ „Сидоркино дѣло“ Аверкіева съ Варламовымъ въ главной роли. Но со слѣдующаго сезона Дирекція отъ него отказалась и театръ сталъ сдаваться частнымъ предпринимателямъ. Тамъ возродилась изъ пепла русская оперетка, процвѣтавшая когда то и на казенной сценѣ. Въ Маломъ театрѣ она доживала свои красные дни: послѣ этого началось ея паденіе. Еще гимназистомъ, тайкомъ отъ родителей, бѣгалъ я смотрѣть разныя Маскотты, Фатиницы и Корневильскія колокола, великолѣпно разыгрывавшіяся Бѣльской, Родономъ, Градовымъ-Соколовымъ, Давыдовымъ-Далидинымъ и др. Въ этой труппѣ начали свою артистическую карьеру баритонъ Черновъ и извѣстный Клементьевъ, впоследствии перекочевавшіе въ Императорскую оперу. Тамъ же я слышалъ первое представленіе „Цыганскаго барона“, имѣвшаго исключительный успѣхъ. Баринка пѣлъ Давыдовъ-Далидинъ и своею цыганскою манерой пѣть сводилъ съ ума петербургскихъ психопатокъ. Кстади припомнить прїѣздъ въ Петербургъ автора „Цыганскаго барона“ І. Штрауса, постомъ 1892 г. Онъ далъ рядъ концертовъ въ Конногвардейскомъ манежѣ, причемъ, дирижуя, чуть ли не самъ плясалъ подъ тактъ своихъ замѣчательныхъ вальсовъ. Удивительная вещь. Публика, собираясь во множествѣ на эти концерты, навела на мысль какого то предпринимателя устроить балъ. Штраусъ во главѣ оркестра, исполнялъ тамъ любимѣйшіе танцы. Но публики пришло сравнительно мало, а та, которая явилась, предпочла слушать музыку, чѣмъ участвовать въ танцахъ...

* *

Въ 1895 г. въ Маломъ театрѣ водворился Литературно-Художественный кружокъ. Началось съ экстраординарнаго спектакля, даннаго въ Панаевскомъ театрѣ, для представленія знаменитой „Ганелле“ Гаупмана. Пьеса имѣла большой успѣхъ, ѣздили смотрѣть не только интересную пьесу, но и хорошую исполнительницу заглавной роли—Озерову. Критика сразу провозгласила ее исключительнымъ талантомъ и на этомъ основаніи молодую артистку тотчасъ пригласили на Императорскую сцену. Однако, какъ это часто случается, Озерова оказалась съ очень ограниченными сценическими данными. Почти все, что у нея было, вылилось въ Ганелле, другого дать она не могла и въ первой же новой роли обнаружила очень скромное дарованіе. Скоро кружкомъ заинтересовался А. С. Суворинъ и съ его благословенія, а, главное, при его средствѣхъ, Малый театръ блестяще открылъ свои двери. Труппа была на рѣдкость хорошая. Руководить ею пригласили Е. П. Кариова, къ которому впоследствии, въ качествѣ со-режиссера, присоединился П. П. Гнѣдичъ. Благодаря своимъ обширнымъ знакомствамъ и крупному сценическому опыту, Е. П. Карповъ сорвалъ, что называется, цвѣтъ современной артистической компаніи. Въ труппу поступили Пасхалова, Яворская, М. П. Домашева, Каратыгина, (нѣсколько позже) Стрепетова, Далматовъ, Красовскій, Холмская, Никитина, Бравичъ, Михайловъ, Анчаровъ-Эльстонъ, Орленевъ, Судьбининъ и др. Въ театрѣ я бывалъ довольно часто; меня сближало съ нимъ, не только интересъ къ дѣлу, но еще родство съ премьеромъ труппы А. В. Анчаровымъ-Эльстонъ. Настоящая фамилія Анчарова была Дубровскій. Онъ происходилъ изъ хорошей семьи, готовился въ военные, но рано пристрастился къ сценѣ и все бросилъ для театра. Какъ большинство провинціальныхъ артистовъ, онъ сначала мечталъ о казенной сценѣ. Никогда не забуду его дебюта въ Александринскомъ театрѣ. Въ ту пору (я говорю о директорствѣ И. А. Всеволожскаго), дебюты полагались закрытые. Въ полутемной залѣ, на глазахъ театральнаго начальства и нѣсколькихъ случайныхъ артистовъ, аспирантъ долженъ былъ выступить въ лучшихъ роляхъ „своего репертуара“. Конечно, разыгрывались не цѣльные пьесы, а только отрывки изъ нихъ. И какъ разыгрывались! Анчаровъ выбралъ для дебюта послѣднюю сцену изъ „Горе отъ ума“ и сцену въ синагогѣ изъ „Урїэль Акосты“. Вотъ подымается занавѣсъ для „Горя отъ ума“. Гости Фамусова разѣхались. Швейцаръ тушитъ послѣднюю лампу. Изъ чуланчика, крадучись, выходитъ Молчалинъ и зоветъ Софью. Раздается ея шопотъ съ верхней галереи, и что же? По лѣстницѣ спускается Мичуринъ—

Софья... въ томъ городскомъ платьѣ, въ какомъ прїѣхала изъ дома. Извольте при такихъ условіяхъ играть по настоящему! Въ концѣ концовъ Анчаровъ поступилъ не на Петербургскую, а на Московскую Императорскую сцену, но пробылъ тамъ недолго. Странная это была натура. При несомнѣнномъ дарованіи, онъ обладалъ въ избыткѣ свойствами, присущими только артистической богемѣ. Никакой выдержки, системы, все изнутри, по вдохновенію. И дѣлало же оно съ нимъ чудеса. Старожилы Малаго театра вѣроятно не забыли его Рюделя въ „Принцессѣ Грезы“, или Армана въ „Дамѣ съ камеліями“. Въ этихъ роляхъ онъ захватывалъ залу.

Еще хочется мнѣ вспомнить о двухъ артистахъ, безвременно вычеркнутыхъ изъ русскаго театра, одинъ—за смертью, другой—личными обстоятельствомъ. Я говорю о Бравичѣ и Орленевѣ. На всякой другой сценѣ съ Бравичемъ возились бы, какъ съ дорогой игрушкой. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова европейскій артистъ. У насъ онъ какъ-то промелькнулъ незамѣтно. Назовите въ большой публикѣ его имя. Подумаютъ, перепутаютъ съ другимъ, невпопадъ припишутъ ему чужія заслуги. Между тѣмъ, прошло года три со дня смерти Бравича и я не знаю артиста, который бы замѣнилъ его. У него было что то демоническое въ игрѣ, сильное, гипнотизирующее. Я не видѣлъ лучшаго Ранке въ „Кукольномъ домикѣ“ Ибсена, или Свидригайлова въ передѣлкѣ „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго. Съ Орленевымъ у старожиловъ Малаго театра связано что то живое, яркое, жизнерадостное. Рѣдко какой артистъ обладалъ такимъ диапазономъ, какъ Орленевъ. Сыграть въ сравнительно короткій промежутокъ времени гимназиста въ „Шашкахъ“ и Царя Θεодора въ трагедіи Толстого и „не сломать себѣ шею“, впоору только большому таланту. И такимъ Орленевъ былъ на самомъ дѣлѣ. Увы, не всегда мы знаемъ свою полочку. Жажда славы увлекаетъ... Когда спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ухода Орленева изъ Малаго театра, я увидѣлъ его на частныхъ спектакляхъ въ провинціи, я не узналъ артиста. Милая простота исчезла и, одновременно съ нею ушло то, что такъ цѣнно въ талантѣ—его непосредственность.

Связи А. С. Суворина съ администраціей и главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати сразу обогатили репертуаръ Малаго театра. Театру разрѣшили то, что было до сихъ поръ запрещено для русскаго сцены: „Власть тьмы“, „Царь Θεодоръ Іоанновичъ“. „Самоуправцы“ Писемскаго и т. д. Та же „Ганелле“, которая дала толчекъ къ созданію театра, стала его репертуарной пьесой: разыгрывалась она съ прекраснымъ ансамблемъ. Бѣдную дѣвочку играла М. П. Домашева, ея отца—Красовскій (великолѣпный Митричъ въ „Власти тьмы“), башмачника—Орленевъ, учителя—Красовъ и т. д. Музыку сочинилъ талантливый Главачъ. Какъ сейчасъ вижу одну изъ первыхъ репетицій. На сценѣ гробъ, въ него должна лечь Ганелле. Съ этого начинается 3 актъ пьесы. На лицѣ Домашевой смущеніе, нерѣшительность. Какъ такъ, улеchia въ гробъ? Ностросненіе артистки замѣчаетъ Е. П. Карповъ.

— Ничего М. П.—кричитъ онъ—не бойтесь. Всѣ тамъ будемъ. Прекрасно удаются въ Маломъ театрѣ бытовые пьесы. Нельзя забыть представленіе „Власти тьмы“ и „Около денегъ“ Потѣхина. Въ обѣихъ пьесахъ участвовала Стрепетова, въ то время покинувшая Александринку и, конечно, содѣйствовала успѣху спектакля. Жутко было во время исполненія Потѣхинской драмы. Обманутая любовникомъ, ради его ограбившая родного отца, несчастная женщина поджигаетъ домъ и бѣжитъ. Когда ее ловятъ и кто-то изъ толпы срываетъ съ ея головы платокъ, всѣ съ ужасомъ отшатываются: Степанида отъ горя посядѣла...

Рядомъ съ трагическими моментами, припоминаются и трагикомические. Однажды съ участіемъ той же Стрепетовой шла трагедія „Равенскій боецъ“. Въ ложѣ сидѣлъ А. С. Суворинъ. Всѣмъ извѣстно его горячій интересъ къ театру. Онъ буквально жилъ имъ, принималъ къ сердцу каждую мелочь, иногда, какъ въ данномъ случаѣ, въ ущербъ дѣлу. Едва Стрепетова начала свой монологъ, какъ за кулисами, вдалекѣ, залаяла собака. Пока лай былъ не громкій, онъ не нарушалъ порядка. Казалось даже, что это режиссерскій трюкъ. Но вотъ лай смѣнилъ визгъ, словно собаку кто то гналъ и, вдобавокъ, билъ. Тогда въ залѣ сначала зашикали, потомъ замѣялись. Стрепетова остановилась. Этого было достаточно, чтобы Суворинъ перекинулся черезъ барьеръ своей ложи и закричалъ

не своимъ голосомъ „Да уберите же собаку“. А потомъ и самъ онъ появился на сценѣ и потрясая кулакомъ и стуча палкой, промчался, какъ вихрь, среди пораженныхъ германцевъ...

Менѣ другихъ удавались Малому театру пьесы съ такъ называемымъ настроеніемъ. Припоминаю жестокий провалъ театра съ одноактной пьесой Метерлинка „Тайна души“. Главную роль отца игралъ Михайловъ, актеръ весьма талантливый, къ сожалѣнію, страдавшій порокомъ, свойственнымъ многимъ даровитымъ людямъ: онъ пилъ. Въ этотъ вечеръ артистъ былъ, какъ нарочно, „на взводѣ“ и еле-еле подавалъ реплики. Несмотря на большія симпатіи публики къ артисту (многіе помнили его прекраснымъ Подколесинымъ), въ залѣ, особенно на верхихъ, стали по его адресу раздаваться замѣчанія: „говорите громче“. А тутъ, какъ на зло, по тексту пьесы, Михайлову полагалось сказать приблизительно слѣдующее: „Вы просидите здѣсь еще тысячу лѣтъ и все равно ничего не услышите“. Совпаденіе этой фразы съ настроеніемъ публики рѣшило участь пьесы. Раздался гомерическій хохотъ, продолжавшійся вплоть до паденія занавѣса. Пьесу сняли съ репертуара.

* * *

Послѣ сломки Большого театра ¹⁾ и упраздненія Императорской Итальянской оперы, на русскую оперу стали больше обращать вниманія. Она, конечно, стояла того. Въ директорство И. А. Всеволожскаго, имѣвшего свои недостатки (пристрастіе къ французскому театру, въ ущербъ русскому), было одно обстоятельство, дававшее ему огромный перевѣсъ передъ нашимъ временемъ. Отсутствовала такъ называемая гастрольная система. Извѣстно, какія послѣдствія влечетъ эта система. Во 1-хъ, труппа всегда бываетъ обижена предпочтеніемъ одного артиста передъ другими; во 2-хъ, репертуаръ театра не пристраивается къ дѣйствительнымъ потребностямъ искусства, а къ случайному выбору гастролера; въ 3-хъ, публика никогда не бываетъ обезпечена правильной расцѣпкой мѣстъ. При Всеволожскомъ никогда не случилось того, что сейчасъ практикуется на каждомъ шагу: „цѣны возвышенныя“, „цѣны особо возвышенныя“, цѣны сверхъестественныя и т. д. Если и допускались изысканія изъ правилъ, то по исключительному поводу: юбилею, бенефису и пр. Оперная труппа Марійнскаго театра была въ ту пору очень ровная. Она заключала въ себѣ артистовъ, подобранныхъ съ большимъ вкусомъ и знаніемъ дѣла. Медея Фигнеръ, Долина, Мравина, Славина, Каменская, Стравинскій, Черновъ, Яковлевъ, Серебряковъ, Фигнеръ могли бы сдѣлать честь любому европейскому театру. Въ смыслѣ репертуара это была эпоха грандіознаго соперничества двухъ яркихъ проявленій музыкальнаго творчества: Чайковскаго и Р. Корсакова. Петроградскіе меломаны еще не забыли первыхъ представленій „Евгенія Онѣгина“ и „Пиковой дамы“. Геніальная иллюстрація Пушкинскаго текста сразу стала популярной. Конечно, находились зоилы, которые критиковали новые оперы. Впрочемъ, замѣчанія относились больше къ либретто, чѣмъ къ музыкѣ. Считали страннымъ, что Ларина и няня высказываютъ глубокомысленныя сентенціи и въ то же время варятъ варенье. Или, что Онѣгинъ идетъ знакомиться съ Татьяной и разсказываетъ Ленскому о болѣзни дяди и т. д. Произведенія Римскаго-Корсакова требовали болѣе детальнаго изученія и потому прививались ту же. Въ сущности популярность Корсакова началась значительно позднѣе, почти одновременно съ водвореніемъ на русской сценѣ Р. Вагнера. Вообще русская музыка новаго уклада тогда только настраивалась. Помню, сколько разговоровъ вызывалъ „Борисъ Годуновъ“ Мусоргскаго, законченный и оркестрованный Р. Корсаковымъ. По поводу нѣкоторыхъ сценъ, сейчасъ ставшихъ классическими, напр., сцены въ корчмѣ, говорили со скрежетомъ зубовымъ. Называли это верхомъ реализма въ искусствѣ. Времена измѣнчивы. Сейчасъ не поражаютъ даже болѣе крайнія направленія, вродѣ Р. Штрауса, М. Рegerа, нашего Скрыбина и пр.

* * *

Возвращаясь къ составу труппы Марійнскаго театра, не могу не поставить на первомъ планѣ покойнаго Стравинскаго. Вотъ артистъ, котораго, какъ Бравича въ драмѣ, не достаточно оцѣнили театрѣ. Если говорить о предшественникахъ Шаляпина, то Стравинскій былъ въ числѣ первыхъ, которые драматизировали оперныя партіи. Кто видѣлъ его Фарлафомъ въ „Русланъ и Людмилъ“ или Олоферномъ въ „Юдифи“, тотъ подтвердитъ мои слова. Стравинскій умѣлъ подмѣтить характерныя признаки даннаго типа и выявить ихъ. Каждая его роль, даже самая маленькая, была шедевромъ въ своемъ родѣ. Недавно скончавшаяся Мравина оставила послѣ себя память какого-то нѣжнаго, фарфороваго цвѣтка. Обаятельныя Татьяны я не припомню. Преимущество ея въ этой роли передъ другими исполнительницами заключалось въ томъ, что Татьяна 4 акта въ сравненіи съ Татьяной перваго, не казалась диссонансомъ. Мравина въ образѣ *grande-dame*, жены сановника, какъ будто мѣнялась съ головы до ногъ, даже выросла немножко, во всякомъ случаѣ не походила на Таню глухой провинціи. Прекрасный талантъ Мравиной былъ подъ стать ея скромности. Когда артистка стала замѣчать, что голосъ

¹⁾ Кстати сказать, нарварской. Александра III обманули, увѣривъ Государя, что зданіе театра опасно своими трещинами. Когда же приступили къ сломкѣ, обнаружилось, что стѣны и фундаментъ нужно взрывать чуть ли не динамитомъ. И такъ поступили съ зданіемъ, не уступавшимъ по акустикѣ Миланской La Scala

ей измѣняется, она немедленно покинула сцену, памятуя мудрое замѣчаніе знаменитаго Mario: „Il faut que je quitte la scène avant qu'elle ne me quitte“. Дѣятельность другихъ упомянутыхъ артистовъ слишкомъ на нашихъ глазахъ, чтобы говорить о нихъ подробнѣе. Однако, справедливость требуетъ сказать, что композиторы, вродѣ Чайковскаго. Р. Корсакова, Ц. Кюи, Н. Соловьева и др., успѣхомъ своихъ оперъ обязаны въ значительной части ихъ дарованію. Сценическіе штампы, выгравированные четой Фигнеръ, Славиной, Стравинскимъ и Яковлевымъ, еще долго будутъ служить руководящимъ началомъ для опернаго искусства.

* * *

Упраздненіе казенной итальянской оперы не помѣшало итальянцамъ устроить въ Петербургѣ свою частную. Прежніе кумиры Большого театра: М. Зембрихъ, Мазини, Котоньи только перешли съ площади на Фонтанку ¹⁾ и продолжали услаждать слухъ любителей настоящаго *bel canto*. Изъ всей этой компаніи особенно типичнымъ былъ Мазини. Его чудесный голосъ былъ въ полной гармоніи съ драматическимъ искусствомъ. Онъ даже этимъ слегка бравировалъ. Не было чудовищной нелѣпости, на которую божественный Анджеоло не былъ способенъ. Никогда не забуду его заключительной сцены въ „Лукреціи ди Борджіа“. Мазини выпиваетъ чашу съ ядомъ и на глазахъ публики долженъ умереть. Конечно, онъ поетъ передъ тѣмъ прощальную арію. *Piano* удивительное, пѣвецъ какъ будто играетъ своимъ голосомъ, но вотъ послѣдняя нота... Мазини хочетъ подурить, или въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что такъ нужно, но онъ... икаетъ на всю залу и затѣмъ стремительно падаетъ мертвымъ.

* * *

Изъ концертовъ этой эпохи я помню прощальный концертъ Тамберлика и историческіе концерты А. Г. Рубинштейна. Тамберликъ пріѣхалъ въ Петербургъ завершать свою артистическую карьеру. Любопытную картину представлялъ въ этотъ вечеръ залъ Дворянскаго собранія. Большинство присутствующихъ были современники пѣвца, такіе же старенькіе, какъ онъ. И нужно было видѣть восторги съ обихъ сторонъ. Многіе плакали, когда артистъ, еле выговаривая отъ волненія слова, пѣлъ свое знаменитое „Скажите ей“... Казалось, люди прощаются съ своей молодостью, былыми мечтами и надеждами.

Свои концерты А. Рубинштейнъ давалъ попеременно то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Это дало поводъ одному карикатуристу нарисовать пианиста, одновременно играющаго на берегахъ Невы и въ Первопрестольной. причѣмъ педаль помѣщалась въ Бологомъ. Игралъ Рубинштейнъ изумительно. Это былъ дѣйствительно „король фортепіано“. Но особенно памятна мнѣ Шопень и Листъ. Я не слышалъ болѣе тонкаго исполненія.

* * *

Близость къ театру, всегда предрасполагаетъ къ знакомству съ артистами. Лучше другихъ я зналъ артистовъ драматической труппы. Бывалъ я у Е. Н. Жулевой, К. А. Варламова, И. Э. Горбунова, а изъ здравствующихъ понынѣ у Н. С. Васильевой. Е. Н. Жулева принимала у себя сравнительно рѣдко, но зато день ея именинъ, 24 ноября, былъ буквально сборомъ всѣхъ частей. Кто не помнитъ эту очаровательную старушку. Со всѣми равная, благожелательная, она выбивалась изъ силъ, чтобы угостить своимъ гостямъ. Веселились у нее, кто какъ умѣлъ. Одни танцевали, другіе садились за карты, третьи собирались въ интимный кружокъ, гдѣ не истощимый на экспромты И. Э. Горбуновъ смѣшилъ всѣхъ до упаду. Вечеръ заканчивался грандіознымъ ужинкомъ и *à la fourchette*, послѣ котораго веселіе становилось еще болѣе неприкрытымъ. Расходились съ разсвѣтомъ.

Къ Варламову собирались въ то время для его пріемной дочери, Анюты. Жилъ онъ на Фонтанкѣ, на углу Лештукова переулка, въ довольно большой квартирѣ. Съ этой квартирой подъ конецъ вышелъ казусъ, характерный для К. А. Домохозяинъ, не смотря на то, что артистъ прожилъ у него свыше 25 лѣтъ, вздумалъ набавить на квартиру 5 рублей въ мѣсяцъ. Это возмутило Варламова.

— Каковъ господинъ!— жаловался онъ съ комическимъ видомъ, — никакого уваженія къ старому квартиранту. Пять рублей—не велики деньги, но принципиально не хорошо!

И переѣхалъ на Загородный пр., гдѣ жилъ до самой смерти. Вечера Варламова были тоже очень веселые. Специально для Анюты собиралась зеленая молодежь, но на одной вечеринкѣ, помню, танцевалъ я кадрилъ съ П. А. Стрелетовой.

* * *

Совершенно обособленный характеръ носилъ домъ И. Э. Горбунова. Трудно повѣрить, чтобы у этого типичнаго русопята была жена нѣмка, Амалія Ивановна. Впрочемъ, нѣмецкое ея происхожденіе ограничивалось, кажется, тѣмъ, что она великолѣпно готовила всякіе *kuchen* и макароны въ томатѣ. Въ остальномъ это милѣйшее существо походило на мужа, такое же доброе и хлѣбосольное. Семья Ив. Э. была небольшая: двѣ дочери, изъ нихъ Татьяна Ивановна (Танечка) артистка Александринскаго театра. Она вышла замужъ за нѣкоего Дмитревскаго, офицера, и рано умерла. Хорошо помню спектакли „Грозы“, съ участіемъ отца и

¹⁾ Спектакли давались въ Маломъ театрѣ.

дочери одновременно. Ив. Θ. игралъ Кудряша, а Татьяна Ив.—Лизавету.

У Горбуновыхъ свято соблюдался одинъ обычай: никогда не просить хозяина что нибудь рассказывать. Этимъ артисту сберегался покой домашняго очага. Кстати объ этихъ рассказахъ. Взятые изъ народной жизни, рассказы по существу были меньше всего народными. Мнѣ передавали любопытный фактъ, случившійся съ Горбуновымъ на коронаціи Александра III. Его пригласили выступить на народномъ гуляньи въ Москвѣ. И что же? Народъ не понялъ соли рассказовъ и авторъ ихъ имѣлъ сравнительно малый успѣхъ. Лучше всего было слушать Ив. Θ. въ маленькой компаніи, за стаканомъ вина. Здѣсь артистъ былъ иногда прямо гениаленъ. Припоминаю его нѣкоторые рассказы, не вошедшіе въ полное собраніе сочиненій и дополнительный томъ, выпущенный гр. П. С. Шереметевымъ. Однажды Горбуновъ и его закадычный другъ С. В. Максимовъ на коронаціи Александра III. Его пригласили по Волгѣ. Приѣзжаютъ въ Кострому. Дѣло къ вечеру, звонятъ ко всенощной. Пріятели, большіе любители хорошихъ голосовъ, наслушались о знаменитомъ костромскомъ дьяконѣ. Пришли въ церковь, ждуть. Выходитъ дядя, косая сажень ростомъ, ширина плечъ огромная, на головѣ грива рыжихъ волосъ.

— Сергѣй Васильевичъ, душенька, — шепчетъ въ экстазѣ Ив. Θ.—какова, братъ, натура!

И, вдругъ, о, Господи (Горбуновъ при этомъ дѣлалъ уморительное выражение): вмѣсто громового баса, самый настоящій, мальчишескій, дискантъ.

— Благослови, владыко!

Друзья чуть не расплакались отъ горя.

Послѣдній разъ я видѣлъ Горбунова незадолго до смерти. Онъ лежалъ, какой то маленькій, жалкій, пришибленный. Улыбка не сходила съ его лица, но улыбка страдальческая, виноватая. Онъ интересовался моими работами по исторіи русскаго театра.

— Много званныхъ, гостей иностранныхъ—съострилъ онъ по поводу одного изслѣдованія.

* * *

У Н. С. Васильевой собирались часто при жизни ея мужа, С. В. Тинѣва, когда ея объ дочки были еще подростками. Для нихъ милая Н. С.

устроивала домашніе спектакли. Сейчас многие изъ участниковъ этихъ спектаклей занимаютъ высшіе административные посты: А. А. Р., А. В. С. Я также игралъ, причемъ здорово трусилъ, выступая передъ К. А. Варламовымъ, В. П. Далматовымъ и другими артистами, въ качествѣ зрителей. Впрочемъ, долженъ сказать, что аудиторія эта самая благожелательная, ихъ ничѣмъ не удивишь, а если они похвалятъ, то значить стоитъ за что. Въ ту пору сама Н. С. еще пѣла. Голосъ у нея былъ небольшой, но чрезвычайно пріятнаго тембра. Ея дуэты съ кн. Н. В. Шаховскимъ, бывшимъ Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, стариннымъ другомъ семьи Васильевыхъ, производили въ высшей степени пріятное впечатлѣніе.

* * *

Изъ иностранныхъ артистовъ я хорошо зналъ покойныхъ Ш. Андриэ, Лортера и Жанъ Томассенъ. Французы отличались необыкновенно скромнымъ домашнимъ обиходомъ. За исключеніемъ Андриэ, жившаго сравнительно роскошно, остальные занимали квартиры въ пору мелкимъ канцелярскимъ чиновникамъ. Напр., Ж. Томассенъ, получавшая чуть ли не пятьдесятъ тысячъ франковъ въ сезонъ, жила на второмъ дворѣ на Невскомъ, противъ Аничкова Дворца, въ пятомъ этажѣ. Познакомился я съ нею, какъ обыкновенно знакомится молодежь съ артистами, выпрашивая карточку для себя, и я выдумалъ какую то кузину. Этимъ объясняется, что фотографія артистки хранится у меня съ загадочной надписью: „A une charmante jéenne fille“. Въ ту пору труппа была дружная и артисты работали, какъ волю. Но актеровъ смущалъ иногда репертуаръ, фарсы отличались откровеннымъ цинизмомъ. На это мнѣ частенько жаловался Лортеръ. Великолѣпный артистъ на характерныя роли, онъ съ трудомъ мирился съ раздѣваніемъ на сценѣ.

— Вы не можете себѣ представить, какъ это обидно для артистическаго самолюбія. Неужели мы не въ состояніи показать вашей публикѣ нѣчто болѣе возвышенное?

А что это не одни слова, онъ доказалъ ролью мужа артистки въ Жоржзандовскомъ „Charles Demailly“.

Баронъ Н. В. Дризень.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

„Пока онъ говорилъ, сигара потухла. Онъ прикоснулся къ ней, холодной, губами и вспомнилъ объ Адѣ, объ этомъ остромъ чувствѣ, которое тоже потухло, кажется. Его можно зажечь опять, какъ и потухшую сигару, но это не будетъ прежнее. Будетъ привкусъ“.

— Ты никогда не можешь обойтись безъ сигары... Это твой надобѣвшій шаблонъ—сигара или крѣпкій кофе... оставь эти пустяки—

сказалъ его пріятель, читая первыя строки только что начатаго разсказа, еще въ черновыхъ листикахъ валявшагося на столѣ.

— Это не шаблонъ, это логично вытекаетъ изъ моихъ настроеній... Что такое сигара?! Это завершеніе вкуснаго и обильнаго обѣда. Запахъ дорогой сигары и духовъ любимой женщины—это тѣ штрихи, которыми дорисовывается кусочекъ земного счастья, случайно украденнаго у жизни... или у судьбы, какъ хочешь. Да, и именно украденнаго: судьба добровольно дѣлаетъ только не-пріятности...

Послѣ вспышки любви остается воспоминаніе о духахъ, послѣ дружеской бесѣды—запахъ сигары. Можетъ быть это шаблонъ, но только не пустяки... Впрочемъ, думай какъ хочешь, мнѣ безразлично. Я считаю величайшимъ пустякомъ твою кооперацію и мелкій кредитъ, которыми ты отравленъ. Когда меня будутъ хоронить, пусть мнѣ положить коробку сигаръ „Imperiales“ и флаконъ духовъ „Vierge folle“, а тебѣ самыя умныя сочиненія по коопераціи. Можетъ быть я буду очень смѣяться надъ тобою изъ своего гроба. Повѣрь мнѣ, что тебѣ не очень будетъ весело съ томомъ коопераціи, отъ него пахнетъ гораздо хуже, чѣмъ отъ „Vierge folle“. А у вѣчности тоже скверный запахъ...

— Господа, довольно!

сказалъ третій, не одобрявшій способа поведенія ни перваго, ни втораго, такъ какъ избралъ среднее: доказывалъ важность коопераціи и мелкаго кредита вообще, а для себя въ частности предпочиталъ дорогую сигару и тонкіе духи любимой женщины.

СРЕДИ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Г. К. ЛУКОМСКІЙ. „Галиція въ ея старинѣ“.

Превосходное изданіе „Голике и Вильборгъ“. Иллюстраціи въ краскахъ, специально подобранная и раскрашенная бумага, красивый шрифтъ—изданіе съ этой стороны безупречно. Книга—большой вкладъ въ немногочисленное собраніе русскихъ художественныхъ изданій. Жаль, что книга пришлась не во-время. „Галиція“ сейчасъ звучитъ непріятно. И еще разъ думается по поводу книги, что художественныя изданія, что вообще искусство, должны быть внѣ политики, тогда они не могутъ быть несвоевременны, невпопадъ, тогда для нихъ нѣтъ случайностей... они вѣчны тогда.

* * *

СЕРГѢЙ БЕРТЕНСОНЪ. „Дѣдъ русской сцены“.

Хорошо изданная книга, нѣсколько иллюстрацій. Трудъ не небрежный и наскоро, какъ пишутъ теперь многіе: однѣхъ ссылокъ на матеріалы 463!

„На страницахъ исторіи русскаго театра, наряду съ именами Дмитревскаго, Мочалова, Щепкина и Мартынова, записано имя Сосницкаго. Безпрерывная шестидесятилѣтняя его дѣятельность связана съ важнѣйшимъ періодомъ развитія нашего драматическаго искусства. Онъ первый внесъ на сцену жизненную правду и художественную простоту, одухотворилъ творческіе замыслы Грибоѣдова и Гоголя и создалъ незабываемые образы, которые вліяли на подъемъ общественнаго просвѣщенія.“

Подобно Щепкину, онъ былъ близокъ съ выдающимися людьми своей эпохи, и его дружбой дорожили лучшіе представители литературы и искусства.

Переживъ нѣсколько театральныхъ поколѣній, онъ заслужилъ отъ современниковъ почетное званіе „дѣда русской сцены“.

Несмотря, однако, на все крупное значеніе, которое имѣлъ Сосницкій для русской, въ особенности Петербургской, сцены, онъ смѣло могъ бы повторить слова героя пьесы Дюма Кина: „Память объ артистѣ умираетъ съ его поколѣніемъ; вся его долгая прекрасная дѣятельность давно забыта и самое имя его уже почти пустой звукъ“.

Говорит авторъ въ предисловіи. Своей книгой онъ создаетъ артисту заслуженный памятникъ. И хорошо, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось бы отъ автора какого-либо болѣе широкаго труда.

Умѣнье работать обязываетъ.

* * *

А. Измайловъ въ своемъ фельетонѣ „Запыленная красота“ въ „Бирж. Вѣд.“ пишетъ—

Въ газетахъ время отъ времени мелькають извѣстія, что нынѣшнее время, разоряющее всѣхъ, обогащаетъ только антикваровъ. Необходимость бѣгства изъ насиженныхъ мѣстъ, всякія осложненія жизни, связанная съ войной, будто бы заставляють собственниковъ разставаться съ сокровищами, которыя въ иныхъ условіяхъ никогда бы не ушли изъ дома.

Все это досужій домыслъ людей, руководящихся собственными соображеніями, а не живою жизнью. Казалось бы, должно быть такъ,—но на дѣлѣ не такъ. Рѣшительно наперекоръ всѣмъ ожиданіямъ, антикварное дѣло ничуть не разгорѣлось съ войной. До самаго послѣдняго времени наши старинщики, какъ ихъ совѣтывалъ называть Даль, положительно не дѣлають ни покупокъ, ни продажъ. Въ дѣлѣ былъ совершенный застой, а всѣ газетныя сообщенія о необыкновенныхъ гобеленахъ, или за безцѣнокъ купленныхъ Рембрандтахъ, были совершенной выдумкой.

Напрасно агенты крупныхъ столичныхъ антикваровъ рыщутъ по всему лицу русской земли, въ особенности, по мѣстностямъ „угрожаемымъ“. Сдѣлки и продажи оказались возможными буквально въ самые послѣдніе дни, когда арлею ихъ явился Прибалтійскій край,—старыя дворянскія гнѣзда бароновъ, куда долгое время стекались наследственныя и благопріобрѣтенныя цѣнности.

Разсказывается рядъ „приключеній“ изъ своеобразной жизни коллекционеровъ и антикваровъ, этихъ охотниковъ за прошлымъ. Ихъ приключенія нерѣдко не менѣе фантастичны, чѣмъ „охотниковъ за жирафами“ или „черепами“...

Заканчивается фельетонъ такъ:

...Устало горитъ электрическая лампочка въ магазинѣ старинны, едва вызывая изъ сумерекъ лицо красавицы на портретѣ александровской поры или сатира на старой картинѣ. Утомленіе звучитъ голосъ архиваріуса прошлаго. Скоро полночь. И чудится, что, когда отсюда уйдутъ люди, оживутъ эти красавицы, сатиры, надменные николаевскіе генералы и прелестныя фарфоровыя пастушки.

Такъ отдыхаетъ горсть гурмановъ жизни отъ впечатлѣній крови и убійства, какимъ отданъ цѣлый день, отъ утренней газеты до вечерняго заѣзда въ покойный уголокъ запыленной красоты.

КАБАРЭ „ВЕСЕЛЫЙ КРОКОДИЛЬ“.

Свѣтлой памяти барона
Грюнвальдуса посвящаю.

I.

У доньи Лауры испанки безпечной
Имѣется домъ и съ балкономъ, конечно...
И вотъ подъ балконъ, хотъ его и не звали,
Явился съ гитарою донъ Паскуалле...
И, взявши аккордъ, за отсутствіемъ дѣлъ,
„О розахъ и грезахъ“ онъ съ чувствомъ запѣлъ!..

И шепчетъ Лаура, вздыхая влюбленно:
— „Какъ времени много у этого доня!..
„Скорѣй-бы, скорѣй-бы вы съ пѣсней кончали
„Я жду поцѣлуевъ, о, донъ Паскуалле!“
А донъ Паскуалле, воззрясь въ небосводъ,
„О розахъ и грезахъ“ поетъ и поетъ!..

Одна за другой проходили цѣдѣли,
Настала зима и завыли метели,
И, хмуро взглянувши на ртуть Реомюра,
Съ балкона давно удалилась Лаура...
А донъ Паскуалле, воззрясь въ небосводъ,
„О розахъ и грезахъ“ поетъ и поетъ!..

Межъ тѣмъ, проходившій донъ Педро ди Перцо,
Увидѣвъ Лауру, схватился за сердце
И, будучи дономъ особаго рода,
Немедля забрался къ ней съ чернаго хода...
А донъ Паскуалле, воззрясь въ небосводъ,
„О розахъ и грезахъ“ поетъ и поетъ!..

При первой улыбкѣ весенней лазури
Донъ Педро женился на доньѣ Лаурѣ...
Года другъ за другомъ текли безъ отсрочки...
У доньи Лауры: двѣ взрослые дочки!..
А донъ Паскуалле, воззрясь въ небосводъ,
„О розахъ и грезахъ“ поетъ и поетъ!..

II.

Если дядюшка оставитъ
Мнѣ въ наследство сотню тысячъ,—
То найму себѣ я грума,
И куплю себѣ моторъ.
Если-жъ дядя не оставитъ
Мнѣ въ наследство сотни тысячъ,—
Не найму себѣ я грума
И мотора не куплю.

Если ты мнѣ, вдругъ, измѣнишь
То, традиціямъ перечая,
Я махну тебѣ платочкомъ
И скажу: „оревуаръ“...
Если-жъ ты мнѣ не измѣнишь —
Это будетъ очень мило!..
И, событія предрѣшая,
Измѣню тебѣ я самъ!

Н. Агнивцевъ.

„Первый въ мірѣ банкетъ“ (каменный вѣкъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

До насъ дошли свѣдѣнія, что разныя лица отъ имени „Ст. и Ус.“ обращаются съ просьбами дать фотографіи для помѣщенія въ журналъ, а къ намъ эти фотографіи не попадаютъ. Былъ даже случай, что какой-то господинъ получилъ деньги за помѣщеніе въ „Ст. и Ус.“ снимка лазарета.

На полученіе снимковъ нами никто не уполномачивался, за плату снимки въ журналъ не печатаются (кромѣ объявленій) и редакція покорно проситъ присылать снимки, портреты и другой матеріалъ для журнала непосредственно въ редакцію (Каменный остр. 31) или въ контору (Невскій 28).

ХУДОЖНИКЪ-СКУЛЬПТОРЪ Е. П. ЧЕРЕМИСИНОВА.

Черемисинова нѣсколько лѣтъ жила за-границей, работая тамъ подъ руководствомъ извѣстныхъ профессоровъ и выставя въ Парижѣ и Вѣнѣ. Какъ скульпторъ, она мало извѣстна въ Россіи, а между тѣмъ ея произведенія представляютъ интересъ не только для знатоковъ и любителей, но и для широкой публики.

Если въ нашемъ художественномъ мѣрѣ женщины вообще играютъ, сравнительно, скромную роль, то въ частности въ скульптурѣ, имена ихъ всѣ наперечетъ и поэтому всякое проявленіе художественнаго творчества въ этой области всегда является особо интереснымъ.

Помимо ряда бюстовъ сдѣланныхъ Черемисиновой (Императрицы Маріи Феодоровны, Японскаго посланника въ Петроградѣ барона Мотоно, баронессы Гойнингенъ-Гюне, недавно законченнаго бюста Великаго Князя Николая Николаевича и нѣсколькихъ портретныхъ статуэтокъ, изъ которыхъ особое вниманіе, по живости композиціи и портретному сходству, обращаетъ не вполнѣ еще законченная статуэтка Бельгійскаго посланника графа Бюиссера), художницу особенно въ скульптурѣ интересуетъ ея монументальная сторона.

Посвятивъ себя почти специально разработкѣ памятниковъ нѣкоторымъ выдающимся русскимъ женщинамъ, Черемисинова, между прочимъ, скомпановала памятникъ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ — основательницѣ дѣлъ благотворенія и призрѣнія. На высокомъ пьедесталѣ стоитъ величественная фигура императрицы; добротой вѣетъ отъ ея открытаго, озареннаго легкой улыбкой лица. Памятникъ этотъ

предположено было поставить противъ Смольнаго монастыря, но къ сожалѣнію, въ виду текущихъ событій осуществленіе этого проекта пришлось отложить.

Въ настоящее время Черемисинова заканчиваетъ проектъ другого памятника, посвященнаго одной изъ наиболѣе выдающихся женщинъ русской исторіи.

Е. П. Черемисинова прошла полный курсъ скульптуры въ мастерской профессора Штрассера въ Вѣнѣ, послѣ чего работала въ Парижской академіи Коларосси, подъ руководствомъ профессоровъ скульптуры Гокье и Роларда, и своими работами обратила вниманіе извѣстнаго Родена.

Въ 1909 г. Парижскій Салонъ выставилъ ея три работы и она была избрана въ число членовъ „Société artistique et littéraire française“, гдѣ состоятъ лучшіе современные художники и писатели. Позже, ея произведенія неоднократно выставлялись въ Вѣнскомъ „Secession“, а въ 1911 г. ею была устроена собственная выставка.

С. К—овъ.

Сестра художницы съ дѣтьми.

Баронесса Е. Ф. Гойнингенъ-Гюне.

Фот.
С. Кошдакова.

Японскій посолъ баронъ Мотоно.

Работы Е. П. Черемисиновой.

Е. П. Черемисинова за работой.

Изъ театральн. музея В. В. Протопопова.
(Англ. гравюра).

„Крессъ Екатерина“.

Подъ гравюрой, на особой табличкѣ,
подпись:

Знаменитая Лондонская актриса, которая сильно нравилась Петру I въ первое путешествіе его въ 1698 г.: была съ нимъ въ связи и имѣла отъ него (по англійскимъ источникамъ) сына. Отъѣзжая изъ Лондона Петръ послалъ ей: черезъ кн. Меншикова 500 гиней. Крессъ осталась недовольна подаркомъ. „Скажи ей“ — приказалъ Петръ Меншикову — „что у меня за 500 гиней служить старики съ усердіемъ и умомъ, а она худо служила“...
(Ровинскій, стр. 1130).

Ив. Мистровичъ — „Скульптурный портретъ моей матери“.

Критики Англии, не только дилетанты, но и самые серьезные, восторженно говорятъ теперь о вновь появившемся на англійскихъ выставкахъ скульпторѣ, сербѣ по происхожденію, Иванѣ Мистровичѣ. Иванъ Мистровичъ учился сначала въ Вѣнѣ, затѣмъ въ англійской „школѣ скульптуры“, считающейся лучшей въ мірѣ. Его работы выставлены сейчасъ, между прочимъ, въ „музеѣ Виктории и Альберта“ въ Лондонѣ.

Англійскій журналъ „Burlington Magazine“, откуда мы беремъ эту репродукцію, пишетъ о Мистровичѣ—

„Всякій не колеблясь скажетъ, что „Раненый левъ“ въ Луврѣ несомнѣнно ассирійскаго происхожденія, что удивительная голова „Менефта“ въ музеѣ Булака—египетская, что „Гермесъ“ Праксителя несомнѣнно грекъ“... Но ничего національнаго нѣтъ въ работахъ Мистровича, эти работы превосходны, но, такъ сказать, вполне космополитичны, въ нихъ нѣтъ національныхъ чертъ, это общечеловѣческое искусство.

Образъ Михаила Архангела, раб. В. Боровиковскаго. Былъ на выставкѣ церковной старины, устроенной въ музеѣ бар. Штиглица.

СОСТОЯНИЕ СЧЕТОВЪ РУССКО-АЗИАТСКАГО БАНКА.

Петроградъ, Невскій, 62.

На 1-ое Августа 1915 г.

АНТИВЪ.		Рубан.	К.
Касса и текущие счета		37,752,863	58
Учетъ вексел. и друг. цѣнностей		109,755,417	51
Суды { до востреб.		214,470,684	12
{ срочными		10,833,908	84
Принадл. Банку иностр. ден. и купонн.		18,528	59
Цѣнные бумаги принадл. Банку:			
1) Правительство, гарант.		27,803,567	20
2) Правительство, негарант.		11,283,095	92
Покупка и прод. цѣнн. бумагъ по поруч.		1,025,547	88
Принадл. Банку тратты и векселя на загранич.		648,446	26
Товары, принадл. Банку.		790,862	53
Корреспонденты:			
1) по ихъ сч. „Loro“		311,895,177	90
2) по сч. Банка „Nostro“: своб. суммы въ распор. Банка		25,737,474	62
Счетъ Правленія		64,359,511	79
Протестов. векселя		559,345	24
Текущие расходы		5,170,446	02
% сборъ съ приб. и налож. съ капит.		131,327	79
Расходы, подлежащие возврату		271,059	79
Недвижимое имущество		9,892,737	04
Обязательн. и устройство		216,057	24
Переходящ. суммы		1,291,402	26
	Руб.	834,237,949	92
ПАССИВЪ.			
Склад. капиталъ 239,959 акцій	Р.	45,000,000	—
Команд. кап. Кит. Прав. К. Т.	Р.	4,179,312	—
Зал. капиталъ прав. акцій	Р.	15,815,291.11	—
Зал. кап. тротт. Кит. Пр. К. Т.	Р.	1,240,242.23	—
Особый зал. кап. тротт. англоамер.	Р.	5,901,020.37	—
Особый запасн. капиталъ принадл. Кит. Правит.	Р.	601,076.30	—
Остатокъ прибыли 1913 и 1914 гг.		2,327,750	53
Особый фондъ страхов.		900,268	92
Капит. погаш. недвиж. имущ.		1,577,860	27
Выпущенные въ обрщ. банкноты		1,679,195	40
Вклады и текущие счета		448,510,230	30
Корреспонденты:			
1) по ихъ сч. „Loro“: своб. суммы въ распор. корресп.		145,434,284	55
2) по сч. Банка „Nostro“: суммы, оставш. на Банкомъ		60,781,408	92
Перевести		3,510,309	16
Счетъ Отдѣленій		70,132,130	24
Неоплач. переводы и амп. тратты		2,694,090	75
Получен. % комис. и проч.	Р.	9,410,132.10	—
% подлож. уплатъ по тек. счет. и амп.	Р.	6,922,058.32	—
%% переходящие на 1916 годъ		54,073	34
Невыплачен. дивиденды		2,173,738	65
Переходящ. суммы		2,909,083	23
Сберсат. касса ссудн. Банка.		1,586,165	95
	Руб.	834,237,949	92
Векселя и жел.-дор. квитанціи на комиссіи	Руб.	62,540,947	13
Гарантн. Банка, выдан. каз. учрежд. по ихъ заказамъ разн. заводамъ	Руб.	37,619,614	24
Склад. кап.: 239,959 акцій по Руб. 187 50	Руб.	44,992,512	50
авансъ учрежд. на пополненіе	Руб.	187	50
	Руб.	5,090,000	—

СОСТОЯНИЕ СЧЕТОВЪ

СИБИРСКАГО ТОРГОВАГО БАНКА

на 1 Сентября 1915 года.

Правленіе Банка—въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Аккерманѣ, Акмолинскѣ, Анджанѣ, Архангельскѣ, Барнаулѣ, Бирскѣ, Байскѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (Старой), Верхнеудинскѣ, Верхнеуральскѣ, Владивостокѣ, Вірномѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитской Ярмаркѣ (съ 25 Января по 24 Февраля), Иркутскѣ, Казанскѣ (Томской губ.), с. Камень (Томской губ.), Кокандѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Курганѣ, Кустанайѣ, Миусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 Іюля по 31 Августа), Николаевскѣ-Уссурийскомъ, Ново-Николаевскѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Перми, Петропавловскѣ (Акмолинской обл.), Проскуринѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Саранулѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбург. губ.), Томши, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія Отдѣленія: въ Петроградѣ—на Калашниковской Биржѣ, въ Москвѣ—близъ Мясной Биржи, въ Гавриловомъ переулкѣ, въ Замоскворѣчьи, на Серпуховской пл., у Суларевой Башни, на Таганской пл. и въ Марьиной Рощѣ.

Комиссіонеры: на Зѣвъ-пристанн, въ Кавскѣ (Енисейск. губ.), Котельничѣ, Николаевскѣ в/Амурѣ, и Городскіе: въ Петроградѣ—на Скотопромышленной и Мясной Биржѣ и въ Москвѣ—на Кузнецкомъ мосту, на Преображенской пл. и на Смоленскомъ рынкѣ.

	Правленіе.		Отдѣленія.		ВСЕГО.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Антивъ:						
Касса: наличность и текущие счета въ Госуд. и частнов. Банкахъ	5,983,000	25	7,495,259	67	13,478,261	92
Учетъ векселей, торгов. обязат., биржевыхъ цѣн. бум. и текущ. купонн.	19,410,230	52	34,904,483	87	54,314,714	39
Суды подл. обезпеченію	55,292,569	91	47,425,116	52	102,817,785	13
Покупка золота и драгоцѣн. метал.; прик. Банку тратты на загр. мѣста и иностр. ден. и купонн.	363,224	22	869,563	12	1,432,727	34
Цѣнные бумаги, принадлежат. Банку	14,532,173	60	10,102,564	78	24,634,737	44
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	—	—	28,772,017	02	28,772,017	02
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (Loro)	130,352,700	90	8,235,949	05	138,588,651	44
2. По счетамъ Банка (Nostro): своб. суммы въ распор. Банка	6,129,220	04	196,395	35	6,325,615	39
Протестованные векселя и торгов. обязательств.	61,558	45	429,808	11	491,366	56
Просроченныя суды	53,231	94	243,442	26	296,674	22
Текущие расходы	671,433	62	1,611,532	74	2,282,965	36
Расходы, подлежащие возврату	—	—	10,026	79	10,026	79
Недвижимое имущество	3,317,492	04	2,282,567	42	5,600,059	46
Движимое имущество, обязательн. и устройство	163,551	57	488,531	88	652,082	45
Переходящ. суммы	1,792,682	51	2,229,424	15	4,122,106	66
ИТОГО	238,422,391	84	145,806,122	73	384,228,514	59
Пассивъ:						
Складочный капиталъ	30,000,000	—	—	—	30,000,000	—
Запасный капиталъ	10,000,000	—	—	—	10,000,000	—
Запасная прибыль	1,000,000	—	—	—	1,000,000	—
Запасной дивидендъ	4,000,000	—	—	—	4,000,000	—
Вклады: на текущ. счета, безсрочные и срочные	86,736,828	58	125,258,528	32	211,995,356	30
Капиталъ погашеній затратъ по недв. имущ. Банка	372,056	62	331,782	84	703,838	46
Долгъ Государств. Банку:						
1. По спец. сч. подл. векс. и % бумаг.	—	—	4,294,000	—	4,294,000	—
2. По переучету векселей	—	—	3,381	—	3,381	—
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	27,826,915	83	—	—	27,826,915	83
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (Loro): свободныя суммы въ распор. корресп.	40,740,480	94	2,810,740	34	43,551,221	28
2. По счетамъ Банка (Nostro): суммы, оставш. на Банкомъ	40,085,887	24	1,330,181	37	41,416,068	61
Андетованныя тратты	178,220	47	1,193,155	03	1,371,375	50
Невыплачен. по амп. Банка дивиденды	173,052	—	—	—	173,052	50
Протесты, подлежащие уплатѣ по текущимъ счетамъ и вкладамъ	1,735,020	20	3,187,219	21	4,922,239	41
Полученныя %% и комиссіи:						
за исключ. %%, исчисл. по вкладамъ и текущ. счетамъ	3,547,528	76	2,645,171	14	6,192,709	90
Переходящ. суммы	2,129,720	30	4,742,322	48	6,872,042	78
ИТОГО	238,422,391	84	145,806,122	73	384,228,514	59
Цѣнности на храненіи	130,885,210	56	117,436,496	46	248,321,707	02
Векселя на комиссіи	5,896,149	53	16,900,653	53	22,796,802	63

Номинальная стоимость акція Р. 250.

Уплата дивиденда производится въ Правленіе Банка въ Петроградѣ и во всѣхъ его Отдѣленіяхъ.

ПРАВЛЕНИЕ

СТРАХОВОГО ОБЩЕСТВА

„ВОЛГА“

настоящимъ извѣщаетъ, что съ 10-го сего октября переведено въ новое помѣщеніе

Казанская площ., собств. домъ, № 1—2.

Адресъ для телеграммъ: „ПЕТРОГРАДЪ—СТРАВЛГА“.

Общество принимаетъ страхованія отъ огня, страхованія морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ транспортовъ, судовъ, вагоновъ и шестернъ.

АГЕНТСТВА—во всѣхъ городахъ Имперіи.

ОТДѢЛЕНІЯ ВЪ РОССИИ: въ Гельсингфорсѣ, Киевѣ, Москвѣ, Одессѣ, Ригѣ, Ростовѣ н/Д., Саратовѣ, Тифлисѣ, Томскѣ, Харьковѣ, Кокандѣ.

ОТДѢЛЕНІЯ ЗА-ГРАНИЦЕЙ: въ Лондонѣ (Бишоп-стретъ, 9), Бордо, Амстердамѣ, Колонгагенѣ, Христианіи и Стокгольмѣ.

АГЕНТСТВА ЗА-ГРАНИЦЕЙ: въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Глазго, Данди, Бельфастѣ, Лидсѣ, Бирмингамѣ, Ньюкаслѣ, Парижѣ, Марсели, Гаврѣ, Роттердамѣ.

Общество „Волга“ состоитъ членомъ англійскаго „Ллойда“ въ Лондонѣ.

**АВТО
ШИНЫ
ЕЛКА
ТРЕУГОЛЬНИКЪ**

**ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАН. 34, ТЕЛ. 483-50
ПЕТРОГРАДЪ**